

Юлия Федотова

Враг невидим...

Юлия Федотова

Враг невидим

«Автор»

Федотова Ю.

Враг невидим / Ю. Федотова — «Автор»,

Окончилась долгая война, солдаты возвращаются домой. Что несут они с собой из чужих земель? Какие проклятия лежат на них, какие призраки идут по пятам за ними, пропахшими кровью и смертью? И как встретит их родина? Что делать в мирной жизни тому, кто умеет только убивать?... Деревушка Гринторп, идиллический уголок старого Королевства, затерявшийся меж зелёных холмов. Там само время течёт по-другому, там до сих пор можно встретить единорогов, гоблинов и фей... Но покой её оказывается нарушен: один за другим от руки невидимого убийцы погибают ученики престижной Гринторпской школы. Главным подозреваемым по делу становится молодой отставной офицер Норберт Веттели, недавно получивший место учителя естествознания. Чтобы доказать свою невиновность, ему приходится самому взяться за расследование. Беда только в том, что сам-то он в своей невиновности, ох, как не уверен...

© Федотова Ю.

© Автор

Содержание

1	6
2	33
3	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Юлия Федотова

Враг невидим

Читатель, имей в виду: это не житейская история времён заката Викторианской эпохи, а СКАЗКА ПРО ДРУГОЙ МИР. Поэтому нет смысла искать аналогии с реалиями нашего мира и ставить автору на вид, что восстание сипаев случилось задолго до изобретения мази Вишневого.

1

Над городом висел густой осенний туман. День шёл за днём, лето кончилось, сентябрь сменился октябрём, желтели и опадали листья с клёнов, а туман всё висел, не рассеивался даже в самые ветреные дни, лишь становился более прозрачным и клочковатым, позволял разглядеть бледное солнечное пятно в прорехах низких туч. А потом опять сгущался непроницаемой пеленой, и город становился похожим на аквариум, наполненный мутной серой водой. Этот сумрак не могли рассеять даже газовые фонари, которые на центральных улицах не выключали и днём. Мостовые были мокрые без дождя, капало с крыш, пахло плесенью, на древесных стволах выросли яркие жёлтые грибы на бархатно-чёрных ножках. Здесь, в городе, никто не знал, что их можно есть, что это даже вкусно, если зажарить на краденом в оружейной рапсовом масле, с краденой у зеленщика луковицей и смешать с казарменной овсянкой. Горожане считали их погаными, годными только для колдовских зелий, и обходили стороной. Вот и хорошо, потому что иначе на всех не хватило бы.

Сто тридцать восемь человек целыми днями бродили по городским улицам и скверам, собирали грибы. Больше заняться было нечем. Потому что война вдруг кончилась.

Этого никто не ждал. За пять лет к ней так привыкли, что успели вообразить, будто она продлится вечно, и значит, можно будет и дальше жить одним днём, ни о чём не думая, ни о чём не заботясь. Какой смысл загадывать на будущее, если каждая новая минута твоей жизни может стать последней? Какой смысл мечтать вечерами о возвращении домой, если утром тебя сразит вражеская пуля, спалит атакующий дракон или растопчет безмозглый боевой голем? На войне не было будущего и прошлого, только настоящее, сжатое в короткий миг. И казалось, это навсегда.

Но война вдруг кончилась, поражением, победой ли – этого никто не понял. Людям ничего не стали объяснять, просто погрузили на корабли, полк за полком – и в путь. Прощайте, дикие леса Махаджанапади и белые пески Такхемета, ставшие красными от нашей и вражьей крови. Здравствуй, туманные берега забытой родины. Солдаты вернулись домой.

Но этим ста тридцати восьми возвращаться было некуда.

Их разместили в казарме Баргейтского пехотного училища. Временно, пока не устроят жизнь. Три помещения на пятьдесят человек. Койки в три яруса. Тумбочка на троих, смена белья, паёк плюс горячий обед – вот всё, что они заслужили за семь лет войны.

Но капитану Норберту Реджинальду Веттели, лорду Анстетту было легче, чем остальным. Офицерам полагалось денежное пособие в семь шиллингов четыре пенса в день. Поэтому лук он мог не воровать, а честно купить у зеленщика. Пожалуй, и на масло хватило бы, но он решил экономить, потому что в мирной жизни о будущем полагалось заботиться смолоду. Да-да, именно смолоду. Это там, в лесах Махаджанапади и песках Такхемета Веттели был старым бойцом, самым опытным из офицеров, лучшим разведчиком полка. А в каменных городских закоулках он вдруг оказался мальчиком-сиротой без семьи, без дома, без работы и мирной профессии, без денег, без каких-либо жизненных перспектив.

Известие о смерти отца пришло на второй год войны, в один из страшных дней штурма Насандри. Чудо, что оно вообще дошло, учитывая, как работала связь. Сумку с полевой почтой нашли под стеной водонапорной башни, к ней была прицеплена мёртвая рука. Руку отцепили, почту разобрали – и нате вам, господин лейтенант (тогда ещё лейтенант), письмоцо с родины, да в траурной каёмочке.

Это было так странно: они в этой огненной каше всё ещё живы, а где-то далеко, в мирном отечестве, в своём родном имении человек вдруг взял и помер. Да ещё и по доброй воле – застрелился из охотничьего ружья. Ну разве не дурость? Тогда все удивлялись, приставали к Веттели: «А правда, что твой отец?... Ну надо же! Чего только не бывает на свете!»

Он не очень горько скорбел тогда. Если честно, вообще не скорбел, только удивлялся вместе со всеми. Каждый день рядом гибли люди, ставшие по-настоящему близкими, а отца он почти не знал. До пяти лет погибшую родами мать заменяли няня и гувернантка. Потом были частный пансион для мальчиков и школа в Эрчестере. Оттуда они, шестнадцатилетние, – золотая альбионская молодёжь, цвет и надежда нации, изысканные, элегантные, иронично-остроумные, эстетствующие юноши – строем ушли на фронт, воодушевлять и вести за собой войска. Спустя полтора года из целого выпуска в живых остался один Норберт Веттели. Сидел среди развалин насандрийского казначейства, на обломке статуи чужого бога, читал сухие строчки официального уведомления о смерти и пытался разбудить хоть какие-то чувства в своей душе. Вспоминал, как в раннем детстве гувернантка каждое утро за руку вводила его в отцовский кабинет – здороваться, и потом, вечером, прощаться. Кабинет казался тесным и мрачным, в нём царствовал огромный диван, обтянутый чёрной кожей. Диван напоминал злого водяного зверя, маленький Берти его опасался. Хозяина кабинета он тоже опасался, говорил с ним тихо и учтиво, как с чужим, и старался скорее ускользнуть. Иногда, если мисс Гладстоун докладывала, что «сегодня наш мальчик вёл себя на удивление сносно», отец проводил ладонью по его щеке. У него была жёсткая, всегда холодная рука...

Месяца через четыре пришло ещё одно официальное письмо, от адвокатов, о том, что родовое имение Анстетт-холл ушло с молотка со всем имуществом: отец застрелился из-за карточных долгов, он был полностью разорён. Это известие лорд Анстетт воспринял ещё более равнодушно, он вообще не понимал, каким боком его касаются все эти имущественные дела, почему они должны вызывать у него интерес, ведь его самого совсем скоро не станет на этом свете.

Но прошло ещё несколько лет – поневоле пришлось понять.

... Жизнь в казарме была вольная и буйная. Сто тридцать восемь головорезов, не страшившихся ни божьего гнева, ни городских властей, собрались под одной казённой крышей. Они пили, буянили, портили военное имущество, водили девок и дурно влияли на курсантов. Бедный начальник училища, пожилой полковник Кобёрн, за всю свою долгую жизнь так и не узнавший настоящей войны, был в ужасе, но поделать ничего не мог. Фронтовики ему не подчинялись, все они числились «условно демобилизованными», такую странную формулировку изобрело командование, чтобы хоть как-то обозначить их шаткое положение. Фронтовики соглашались подчиняться семерым офицерам, разделившим с ними кров, и в их присутствии даже бранились тише обычного. Пожалуй, офицеры сумели бы навести порядок в казарме, но зачем себя утруждать? Война кончилась, а без неё жизнь утратила привычный смысл.

Ещё не научившись заглядывать в отдалённое будущее, Веттели пока желал только одного: уйти из казармы. Он в ней устал, ему было скучно, и от туманов отчаянно болело недавно простреленное плечо, мешало засыпать. Храп бывших сослуживцев мешал ещё больше, хотелось покоя и тишины. Он чувствовал себя старым и нездоровым, а на бирже ему говорили: «Увы, для этой должности вы слишком молоды. Но не огорчайтесь, какие ваши годы, всё ещё впереди...»

С работой в городе была беда. В ожидании подёнщины у ворот биржи с раннего утра выстраивалась огромная очередь, и сотня с лишним фронтовиков была к ней не такой уж большой прибавкой. Примкнуть к этой очереди несколько раз пытался и Веттели. Но рядом стояли здоровенные мужики из числа уволенных портовых рабочих, фабричных грузчиков и заводских молотобойцев. При таком богатом выборе хозяева даже глядеть не хотели на бледного и худосочного юношу аристократичной внешности, плохо скрываемой поношенным офицерским мундиром без шевронов.

Да, со знаками различия «условно демобилизованным» пришлось расстаться, всем до единого. По крайней мере, половина из них (Веттели в том числе) хотели бы остаться на службе

– кто любил это дело, кто привык, а большинству просто некуда было податься. Но так уж удивительно совпало, что каждому из ста тридцати восьми довелось участвовать в двухлетней осаде неприступной такхеметской крепости Кафьот. Что-то странное творилось там, что-то недоброе, из разряда тех явлений, о которых не говорят после заката, да и вообще, стараются лишний раз не вспоминать. Приказ командования был однозначен: уволить всех непосредственных участников Кафьотской осады, в каких бы ни состояли званиях и чинах, и впредь на службу не принимать, не только самих, но и потомков их до третьего колена.

Вот так! Вот и осталось капитану Веттели обивать порог трудовой биржи, а в промежутках собирать на туманных городских улицах жёлтые блестящие грибы. Бессмысленная, тоскливая жизнь – зачем она нужна?

Пятый день он думал о... нет, не о самоубийстве, конечно. Это было бы недопустимой глупостью, выжить в стольких боях, а потом последовать дурному примеру почти незнакомого отца. – Веттели думал об отъезде. Куда? Ах, да какая разница! Лишь бы подальше от казармы с её буйными обитателями, от Баргейта с его странными холодными туманами, дающими знаменитым столичным сто очков форы, от Старого Света, измученного войной, от цивилизации вообще. Скопить денег на билет, а может, повезёт записаться в команду, или, в конце концов, ограбить кого, сесть на океанский корабль, а дальше... А дальше ни о чём думать не придётся, потому что в пути он наверняка умрёт, ведь на море его всегда тошнит.

Последняя мысль Веттели особенно успокаивала.

Нет, он пока ещё ничего не решил окончательно, и время от времени переключался с дорожных планов на другие мысли: о том, что урожай сегодня неплох; что жёлтые и красные кленовые листья, распластавшиеся по мокрой мостовой, напоминают картины модных живописцев, и это очень красиво, жаль, некому показать, потому что в казарме мало кто интересуется такими вещами; что если как-то продержаться этот год, то летом можно будет записаться в университет, вроде бы, правительство готово оплатить фронтовиками первые два семестра обучения... Так думал капитан Веттели, но ноги сами, без участия разума, влекли его в припортовые кварталы, где в промежутках меж серыми стенами домов уже проглядывали размытые туманом очертания корабельных мачт.

...Именно там, неподалёку от порта, возле открытой двери кондитерской, под кованым трёхростовым фонарём и произошла встреча, с одной стороны, спасшая ему жизнь, с другой – едва жизни не стоившая...

Он как раз стоял у фонаря, ловил носом волну тёплого, наполненного ароматом корицы воздуха, идущего от раскрытой двери, и мучительно решал: разориться на горячую булочку, или ограничиться казённым обедом, который был давно, и ужином, который наступит нескоро? Разум говорил: булочка с корицей – это роскошь, без которой вполне можно обойтись, тем более что сегодня ещё предстоит непременно потратиться на тёплые носки, иначе завтра он без них точно простудится. Но желудок требовал своё, ему не было никакого дела до носков. Неизвестно, сколько бы ещё лорд Анстетт терзался булочно-носочными противоречиями, и чем бы решился вопрос, но тут его окликнули. Голос был хорошо знакомым, а интонация оживлённой до развязности:

– Ба-а! Капитан Веттели! Какая встреча! Не знал, что вы до сих пор торчите в Баргейте! Здесь никого из наших не осталось, все разъехались по домам... Ах, да! Забыл, что вам больше некуда податься! Как, хорошо ли устроились? Или всё ещё в казармах? Что-то бледный у вас вид, капитан, можно подумать, вас чепиди¹ покусала! Что вы с собой сделали?

¹ Чепиди – разновидность индийских вампиров, имеют вид обнажённых женщин, входят в дома спящих мужчин и высасывают их кровь из большого пальца ноги. Жертва остаётся в живых, но чувствует себя опустошённой и отравленной. – *Здесь и далее примечания автора.*

В довершении этой не слишком-то деликатной речи, Веттели панибратски хлопнули по плечу. Да, это тоже была примета мирного времени. Прежде лейтенант Токслей, а это был именно он, не позволил бы себе обратиться к своему капитану столь фамильярно, тем более что они никогда не приятельствовали. Фердинанд Токслей, уроженец южных континентальных провинций, сын школьного учителя из Шре, казался Веттели слишком шумным и деятельным. Он был отличным солдатом, толковым подчинённым, человеком простым и компанейским, но его общество утомляло. Не исключено, что сам Токслей считал своего командира личностью замкнутой и скрытной, может быть, даже высокомерной, как это бывает у аристократов. Не исключено также, что его, как личность весьма честолюбивую, втайне раздражала излишняя молодость капитана Веттели, людям такого типа всегда нелегко подчиняться тому, кто младше тебя почти на десять лет. Во всяком случае, лейтенант Токслей тоже никогда не стремился к сближению с Веттели, их отношения оставались доброжелательно-официальными.

Но неожиданная встреча обрадовала обоих, и уставший от одиночества Норберт легко простил однополчанину моветон, и его слова: «О! Лейтенант Токслей! Счастлив вас видеть!» были вполне искренними.

А больше он ничего не успел сказать, потому что из кондитерской хлынула новая волна восхитительно-ароматного тепла, несчастный желудок свело голодной судорогой, а весь окружающий мир пополз куда-то вбок и окончательно канул в туман. Спасибо, рядом оказался фонарный столб, и Веттели успел уцепиться за него, иначе, пожалуй, не устоял бы на ногах. А может, не столбу вовсе, а лейтенанту Токслею он был обязан тем, что всё-таки устоял. Именно его округлившееся рыжеусое лицо, было первым, что проявилось из тумана перед Веттели, его руки он почувствовал у себя на плечах и его встревоженный голос услышал:

– Боги милостивые, капитан, да что с вами?! Вы здоровы?

– Вполне! – заверил Веттели хрипло и понадежнее уцепился за столб.

Лейтенант Токслей ему не поверил.

– Да на вас лица нет! Определённо, я не могу оставить вас в таком состоянии! Здесь холодно, идёте куда-нибудь... ах, да вот хоть в кондитерскую, что ли! Надеюсь, у них подают кофе... – желудок вновь болезненно сжался и мир поплыл. – Послушайте, вы сможете дойти?

– Разумеется! – бодро пообещал Веттели, хотя втайне затосковал, что сейчас придётся расстаться со спасительным столбом. К счастью, его поддержали за локоть.

В кондитерской было умопомрачительно-прекрасно.

Перед носом возникли две булочки – марципановая и с корицей. И ещё маленькая белая кофейная чашка, от неё шёл пар, на тёмной поверхности плавала светлая пенка. У девушки-официантки было обеспокоенное лицо. Потом откуда-то появилась пожилая хозяйка, сказала сердито: «Что это вы здесь глупостями занимаетесь! Понимать же надо!» Ушла, а некоторое время спустя вернулась с тарелкой жареной колбасы, залитой яйцом. Поставила перед капитаном, робко провела ладонью по его изрядно обросшей макушке, всхлипнула и скрылась из виду.

– У неё сын погиб в Такхемете, под Беджурой – пояснила официантка тихо.

– Да, там много народу полегло, – согласился Токслей. – Едва не половина нашего полка.

Веттели их почти не слушал. Ему не хотелось вспоминать Беджуру, он вспоминал, сколько лет назад в последний раз ел жареную колбасу с луком и яйцом. Получалось, что очень давно, в первые дни мобилизации.

Просто удивительно, как мало надо человеку для счастья – достаточно колбасы, булочек и чашки кофе. Жизнь, четверть часа назад казавшаяся беспросветной и ненужной, вдруг стала очень даже ничего, в голове прояснилось, и туман перед глазами рассеялся без следа.

– Вам лучше? – обрадовался лейтенант Токслей. – Так расскажите же наконец, что с вами творится. Честное слово, это было похоже на голодный обморок.

Рассказывать не хотелось, промолчать было бы невежливо, слова поначалу подбирались плохо. Из-за тонкой перегородки доносились сдержанные женские всхлипы – акустика в кондитерской оказалась лучше, чем в оперном театре, на кухне было слышно каждое слово, произнесённое посетителями крохотного торгового зала, и наоборот. Веттели как мог коротко и даже не без юмора, вдруг прорезавшегося невесть откуда, обрисовал своё нынешнее положение, включая дилемму «булочка – носки». (В этом месте из кухни донёсся трагический вопль: «Ах ты, господи, знала бы я, что он там под дверью топчется! Что же не вошёл-то?!»).

Токслей слушал и мрачнел всё больше.

– Это гоблины знают что! – сказал он. – Мы пять лет кормили падальщиков и гулей ради «интересов Альбионской короны», а когда это безумие кончилось, нас бросили на произвол судьбы, будто старый хлам. Они должны были позаботиться о трудоустройстве отставных офицеров-кафьотцев, назначить на соответствующие гражданские должности. Они ведь гарантии давали, дракон их раздери!

– Давали, – согласился Веттели с усмешкой, ему в самом деле было забавно. – Но есть ещё такая неприятная штука – двадцатитрёхлетний возрастной ценз. Те должности, которым я соответствую по званию, не могу занять по возрасту, а те, на которые по возрасту прохожу, не соответствуют капитанскому званию, поэтому мне никто не обязан их предоставлять. А через несколько лет, когда я миную возрастной ценз, истечёт срок действия указа об условных отставниках Кафьота, и мне вообще ничего не будет причитаться. Замкнутый круг... Ну и гоблины с ними со всеми! Выберусь как-нибудь, – он легкомысленно махнул рукой. После сытной еды будущее заиграло неоправданно-розовыми красками. Вот только надолго ли?

– Послушайте, капитан! – Токслей вдруг хлопнул себя ладонью по лбу. – Ведь я знаю, что с вами делать! Бросайте этот ужасный туманный город, едемте со мной в Гринторп!

Случайное совпадение или перст судьбы, но название это было Веттели хорошо знакомо. Из деревни Гринторп графства Эльчестер была родом его няня, миссис Феппс. Будучи особой весьма словоохотливой, она часто пускалась в воспоминания о родных краях, и в её бесконечных рассказах фигурировали посеы ячменя, стада коров, какие-то особенные, выставочные экземпляры свиней и чрезвычайно зловредные богарты, от которых ночью никакого покоя, если забудешь положить под матрас ветку можжевельника.

– Что же я стану делать в Гринторпе? – спросил Веттели озадаченно. Он имел небогатое представление о мирной жизни вообще, а уж о мирной сельской жизни и вовсе представления не имел. – Я совершенно чужд этого... как его... – он даже не знал, как точнее сформулировать. – Земледелия и животноводства! – в памяти всплыло что-то из экономической географии.

Но Токслей очень энергично взмахнул рукой, будто отгоняя прочь его слова.

– Никакого земледелия, никакого животноводства, обещаю! В Гринторпе открыта частная школа с пансионом для мальчиков и девочек, своего рода педагогический эксперимент. Так называемое «совместное обучение». Весьма престижное заведение, надо отметить, уж и не знаю, почему. Должно быть, попало в модную струю. Обещает стать вторым Феллфордом или даже Эрчестером. Разумеется, я имею в виду не качество обучения, а контингент учеников. О качестве можете судить сами, узнав, что в штате, к примеру, состоит ваш покорный слуга, – Токслей поклонился и шумно рассмеялся собственной шутке.

Лорд Анстетт слушал и недоумённо моргал. В педагогике он смыслил не больше, чем в сельском хозяйстве.

...– Директор – добрый знакомый моего старика, прекрасно ко мне относится. Уверен, он и вас хорошо встретит. Нам как раз срочно нужен преподаватель военного дела для мальчиков. Он предлагал ставку мне, но меня от всего военного уже тошнит, предпочитаю ограничиться физическим воспитанием: гимнастика, гребля, регби, крикет, фэйрбол и прочие мирные забавы... А для вас эта должность придётся как раз кстати. Вы согласны?

– Да... – Веттели не знал, что ответить. – Нет... Я совершенно не умею обращаться с детьми. У меня же нет никакой подготовки, специального образования...

– О-о! – перебил Токслей, не дослушав. – И это мне говорит лучший выпускник Эрчестера за пять предвоенных лет... да-да, не удивляйтесь, о ваших интеллектуальных заслугах мы все были прекрасно осведомлены. Тут уж благодарите ваших покойных однокашников. Они в своё время любили язвить: почувствует кладбищенский гуль разницу между первым эрчестерским выпускником и последним, когда вы попадёте ему на зуб... Да. Что же касается детей, так это те же новобранцы, вся разница, что ещё не научились пить и, сбежав в самоволку, таскаться по девкам. Порой они тоже бывают буйными, эти юные негодяи, но с вашим-то опытом и хладнокровием вы обуздаете их в два счёта, уж поверьте.

Веттели вскинул на сослуживца удивлённый взгляд... Нет, насчёт опыта и хладнокровия тот, похоже, не иронизировал. Что ж, ему виднее. Возможно, со стороны это выглядело именно так.

А Токслей продолжал убеждать, хотя нужды в том уже не было. Веттели всеми зубами и когтями готов был вцепиться в любую возможность хоть ненадолго покинуть проклятую казарму, просто не успевал вставить слово в экспрессивный монолог лейтенанта, а перебивать было неловко.

– Право, капитан, напрасно вы сомневаетесь! Что вам стоит хотя бы попробовать? В Баргейте вас ничего не держит. Съездим в Гринторп, оглядитесь, вам там непременно понравится, это воистину сказочное место. Представляете, там ещё сохранились феи в старом замковом парке. Не знаю, как они выносят наше шумное общество? На должность вас примут, это уж не сомневайтесь. У старика Инджерсолла (наш директор) положение безвыходное: занятий по военному делу не было с начала триместра. Я сразу отказался, пробовали приспособить отставного полковника Честера Гриммслоу, из деревенских, но его представления о предмете сводятся исключительно к маршировке, вдобавок, он в маразме и не дурак выпить. Представьте: в школе идут занятия, а он выведет класс во внутренний двор, построит в три шеренги и гоняет кругами под строевую песнь. Да ещё требует, чтобы орал громче, глуховат, не слышно ему. Ну, наши оболтусы и рады стараться, глотки драть. Смех и грех! Учителя стали жаловаться, что нет никакой возможности работать. Полковника вежливо спровадили, и замены пока не нашлось. Удивительное дело, при нынешней-то безработице. Не иначе, сама судьба приготовила это место именно для вас. Вы обязательно должны попробовать! Тут главное зацепиться. Уж в крайнем случае, если совсем не пойдёт дело, переведетесь на другую должность. По хозяйственной ли части, или в какие-нибудь сторожа, на худой конец. Ведь всего-то год-другой пересидеть. Здоровый климат, деревенская еда, отдельная комната. А в этом тумане после вашего ранения вы и до лета не протянете, уж поверьте, знаю, о чём говорю. Вы уже сейчас больше похожи на призрак, чем на живого человека, а впереди зима. Решайтесь! Что вы, собственно, теряете? Ей-богу, не узнаю своего капитана, что с вами случилось за какие-то четыре месяца? Откуда такая нерешительность? Ну? Вы согласны?

На кухне затаили дыхание.

– Да, – кивнул капитан коротко. – Да, конечно.

Можно подумать, у него был выбор. К тому же, он уже лет десять не встречал фей.

В кондитерской они провели ещё час, болтая на отвлечённые темы. То есть, болтал в основном Токслей, Веттели больше слушал. Уходить не хотелось. Там, за дверью, был чужой, враждебный, отравленный туманом город, а здесь на окнах цвели белые, розовые и красные цикламены. Веттели считал их главным компонентом домашнего уюта, потому что именно эти цветы выращивала в своей комнате няня, миссис Феппис. Интересно, жива ли она? Надо будет расспросить в деревне...

Слушать собеседника становилось всё труднее, мысли уплывали.

– Э-э, да вы совсем носом клюёте, – заметил Токслей. – Давайте-ка поступим так. Сейчас отправимся в вашу казарму, заберём вещи, и ко мне. Я на ночь снял номер в отеле, не бог весть какие хоромы, но как-нибудь разместимся. А в шесть тридцать поезд до Эльчестера, от него до Гринторпа двадцать шесть миль, но это пустяки. Я оставил в Эльчестере венефикар.

– У вас есть венефикар? – вежливо поинтересовался Веттели, он знал, что владельцам этих новомодных самодвижущихся транспортных средств обычно нравятся подобные вопросы.

Но Токслей в ответ рассмеялся:

– Ну, что вы, откуда? За два месяца на такую роскошь не накопишь даже в благословенном Гринторпе! Старик Инджерсолл одолжил мне свой. Он обожает технические новинки, но пользоваться ими толком не умеет. Вам уже доводилось ездить на венефикаре?

Веттели покачал головой: когда бы?

– Только на бронеплойструме.

Самоходная повозка под таким названием появилась на Такхеметском фронте в последний год войны. Это было огромное, рычащее, громыхающее железом, плюющееся огнём чудище, вроде уложенной набок осадной башни. В движение его приводила та же магия, что оживляла боевых големов. Только големы, при всей своей безмозглости, умели действовать самостоятельно, бронеплойструмом же управлял спрятанный внутри человек. Поэтому в войсках к новинке поначалу отнеслись скептически. Но практика доказала её эффективность, и как раз против боевых големов: те просто не соображали, что эта штука сильнее, и надо от неё убегать.

Эффективность эффективностью, однако, водителей бронеплойструмов на фронте считали несчастнейшими из людей. Внутри этого чуда магической мысли было нестерпимо душно, воняло смесью серы и горького миндаля, уши закладывало от грохота. Ни малейшего удовольствия от такой езды человек получить не мог, а мог только контузию заработать.

– Ну-у, сравнили бронеплойструм с венефикаром! – воскликнул лейтенант с укоризной. – Это же совершенно разные ощущения! Но ничего, завтра и прокатимся. А теперь пойдёмте, пойдёмте, пока вы не уснули за столиком.

Манеры Токслея с каждой минутой становились всё более и более покровительственными. Но Веттели это нисколько не смущало, не коробило, наоборот, приятно было верить свою расшатанную судьбу в чьи-то крепкие и хваткие руки, способные стать надёжной поддержкой на пути к новой, незнакомой, но наверняка счастливой жизни...

Однако жизнь старая, страшная и надоевшая до тошноты, не спешила отпускать своих пленников.

Оба поняли, что творится неладное, стоило им только переступить порог жилого корпуса.

Казарма гудела растревоженным ульем. Метались ошалелые курсанты с оружием в заметно дрожащих руках. Отставники выглядели необычно взбудораженными, что-то шумно обсуждали меж собой – многие тоже при оружии (табельное отобрали сразу после приказа о демобилизации, но за годы войны только дурак не догадался обзавестись личным). Откуда-то с верхних этажей доносились дикие вопли и брань.

Рыжие брови Токслея поползли кверху.

– У вас здесь всегда так шумно?

– Сегодня особенно, – сдержано ответил Веттели. Глупость, конечно, но вдруг стало досадно, что его временное обиталище предстало пред гостем в совсем уж неприглядном виде. – Простите, лейтенант, но я должен узнать, что здесь происходит. Кажется, это не к добру.

Чувство близкой опасности ещё никогда не подводило капитана Веттели, не подвело и на сей раз.

– Курсант, объясните, что у вас приключилось? – он за рукав поймал пробежавшего мимо парня, заставил остановиться. Тот взглянул с ненавистью, дёрнулся в попытке вырваться, но увидел офицерский мундир и притих. Ответил зло.

– Один из *ваших*, – это прозвучало как ругательство, – поймал в душевой комнате нашего курсанта и грязно надругался над ним. Когда его обнаружили за *этим занятием*, было уже поздно, бедный Уинсли был уже обесчещен, не представляю, как он станет с *этим* жить! Подонка попытались схватить, но при нём оказался штык-нож. Теперь он взял в заложники другого младшего курсанта и прорывается к оружейной. Вы довольны? Я могу идти? – парень вёл себя нагло, но Веттели решил, что в такой ситуации его можно понять.

– Там есть кто-нибудь из наших офицеров? – так не хотелось ввязываться в грязную историю на пороге новой жизни.

– Ваших никого, только наши. Не знаю, где вас всех носит! – бросил курсант, дёрнул плечом и удрал.

Капитан с лейтенантом переглянулись, вздохнули и двинулись следом. А что им ещё оставалось?

Насильника они узнали издали, ещё по голосу – такой ни с кем не спутаешь, удивительно неприятный был тембр. Вдобавок, он сильно шепелявил и присвистывал по причине отсутствия передних зубов, ещё до войны выбитых в драке.

– Назад! Все назад, ффши окопные! Не то прифью вафего ффенка! – неслись разудалые вопли со второго этажа.

– Сдаётся мне, это наш бывший сержант Барлоу, – пожаловался Токслей набегу.

– А кто же ещё? – подтвердил Веттели печально. – Конечно, Барлоу, притом пьяный. Он каждый день пьёт. Надо было прикончить его ещё в Такхемете, это было бы большой услугой альбионской короне. Ох, не пришлось бы теперь навёрстывать упущенное.

Как в воду глядел!

Безобразная сцена разыгрывалась в коридоре второго этажа, примерно посередине между душевой и оружейной второго курса. Когда-то сержант, а теперь отставной рядовой Барлоу – ражий детина тридцати пяти лет, как всегда нетрезвый и небритый, в разодранном мундире, в расстёгнутых, штанах, сползших вместе с грязными кальсонами гораздо ниже того уровня, что могут допустить приличия, стоял, прислонившись спиной к подоконнику, и орал. В правой руке его был трофейный штык-нож, грозно блестело отточенное лезвие. Удушающим захватом левой он сжимал горло мальчишки-курсанта, безвольно обвисшего в его лапах. По шее несчастного заложника ползла красная струйка, сочившаяся из длинного пореза под ухом, у виска расплывалось кровавое пятно – удар рукоятью, понял Веттели, таким недолго и убить. Но курсант был ещё жив, он слабо перебирал ногами и постанывал.

Вокруг, на расстоянии пяти шагов – ближе Барлоу не подпускал – толпился народ: курсанты и дежурные офицеры, все на взводе, того гляди начнётся стрельба. В стороне отирались сколько-то отставников, эти, похоже, были просто зрителями. Предпринять ничего не пытались, но двое-трое уговаривали: «Коул, да брось ты этого сопляка, на кой гоблин он тебе сдался? Не будь дураком, охота связываться? Лучше пойдём, выпьем». Они уже были пьяны, пьяны до такого состояния, когда море кажется по колено, а захват заложника воспринимается как простая шалость, которую можно просто так прекратить, и всё будет как раньше.

К сожалению, Барлоу соображал гораздо лучше своих приятелей, и не отнимал лезвия от тощенькой шейки своего пленника.

– Капитан! – кто-то схватил Веттели за плечо. – Вы ведь их капитан? Сделайте что-нибудь, ради всех богов!

– Не их, – возразил Веттели, оборачиваясь на голос. Это был полковник Кобёрн, много-страдальный начальник пехотного училища. У него тряслись губы, по белому лицу шли яркие

пятна, старчески-выцветшие глаза смотрели дико. «Интересно, сколько ему лет? – подумал Веттели не к месту. – Под восемьдесят, не меньше. Наверное, у него есть внуки, и даже правнуки. Считают дедушку бывалым воякой, а он им рассказывает разное... Забавно!».

– Ах, да какая разница, их – не их! – выкрикнул полковник почти панически. – Этот негодяй сейчас зарежет бедного Уинсли! Остановите его! Он же убийца!

Смеяться Веттели не хотел, это вышло невольно. «Он убийца»! А кто здесь, скажите на милость, не убийца? Сто тридцать восемь убийц, один к одному. Даже сто тридцати девять, считая лейтенанта Токслея...

Но как ни крути, а Барлоу был худшим из всех.

Судьба свела их два года назад, уже в песках: сержант Барлоу был переведён в роту капитана Веттели. И сразу стало ясно, что он за птица. На службу он, в своё время, нанялся, выйдя из тюрьмы, был храбр до полного пренебрежения своей жизнью, и чужие ценил не выше. Трусость – единственный грех, в котором его нельзя было упрекнуть, все остальные были налицо, а некоторые даже на лице: посреди переносицы уже тогда намечалась язва. Сержант воровал и врал, сквернословил, пренебрегал личной гигиеной, был уличён в мужеложстве, мародёрствовал, пререкался с офицерами, и, если тех не оказывалось поблизости, в бою всегда добивал раненых. В роте его боялись и смертно ненавидели. С его именем было связано множество гадких и грязных, порой совершенно фантастических историй, но если хотя бы половина из них была правдой, в мирное время его ждала бы неминуемая виселица. К сожалению, у войны свои законы.

А ещё сержант был заговорён от пуля. Об этом глухо шептались меж собой солдаты, но Веттели поначалу не верил, и напрасно. Уже после того, как удалось организовать перевод Барлоу в дисциплинарную роту за кражу полкового имущества, лейтенант Касперс, хлебнув лишнего, по-дружески рассказал своему командиру «презанятную историю» о том, как они со старшим сержантом Эггерти в одном из боёв почём зря палили «этому ублюдку» в спину, едва не подстрелили двух своих, а Барлоу хоть бы что. «Ну, ладно, я не бог весть какой стрелок, – удивлялся лейтенант. – Но Эггерти с десяти шагов всаживает шесть пуль в почтовый конверт, он-то как мог промахнуться? Нет, не обошлось тут без колдовства, уж поверьте, капитан! Эх штыком надо было, два заклятья на одно рыло не наложишь!»

Они тогда стояли под Беджурой. Солнце палило так, что больно было касаться песка незащищённой кожей. Над раздутыми, зловонными трупами колыхались тучи мух. Воды не хватало, еды не хватало, зато выпивки почему-то было вволю, люди теряли человеческий облик. В те дни капитана Веттели охватило состояние странного безразличия, ему казалось, что чувства в его душе умерли, все до единого. И страх тоже умер, уже ничто и никогда не сможет его напугать. Но слушал полупьяный шёпот лейтенанта Касперса и чувствовал, как по его покрытой солёной коркой спине ползёт холодок. Потому что доподлинно известно: есть такое колдовство. Но известно и то, какова ему цена. Нормальный человек предпочтёт десять раз умереть, чем решится на подобное...

– Гарри, я вас умоляю, никому и никогда больше не рассказывайте об этом случае, даже если ещё сильнее напьётесь, – не приказал, попросил он тогда лейтенанта. – Не хватало вам с Эггерти из-за этого трупоеда (да, именно «трупоеда», в буквальном смысле слова!) попасть под трибунал! – а потом вздохнул и добавил с нескрываемым сожалением, – и правда, надо было штыком...

Вот и настало время ещё раз о том пожалеть.

– Барлоу, перестаньте валять дурака, – он постарался, чтобы голос его звучал как можно ровнее, и это ему удалось. Тон получился равнодушно-скучающим, вроде бы он, капитан Веттели каждый день только тем и занимается, что освобождает заложников из когтей будущих проклятых мертвецов, и работа эта ему уже изрядно поднадоела. – Вы всё равно не сможете

уйти, никто вам не позволит. По вас давно виселица плачет, но если вы отпустите парня, имеете шанс сохранить собственную жизнь. В вашем положении это немало.

Он ни секунды не надеялся, что Барлоу поддастся на уговоры, но надо же было с чего-то начинать? Да и самому потом легче будет, вроде как честно предупредил...

Разумеется, Барлоу не поддался и не сдался, наоборот, воодушевился. Мутные, по-бычьим налитые кровью глаза сверкнули дурной яростью.

– А-а! – взревел он едва ли не радостно, и даже вечная шепелявость куда-то пропала. – Капитан Веттели! Вот мы с тобой и встретились на узкой дорожке! Поди, тоже мне в спину целил, а? Думаешь, я тебя боюсь? Или всю эту тыловую шваль? Плевал я на вас всех, слышишь! Убей! Стреляй – вот он я! Пожалуйста! Но прежде сдохнет ваш щенок! Хоть сделаю себе перед смертью приятное! С дороги, капитан! Я не шучу, ты меня знаешь! – острое лезвие глубже вонзилось в нежную белую кожу. Новая струйка крови поползла за ворот нижней рубахи, пленник дёрнулся и обморочно пискнул.

Всё. Дело надо было кончать.

– Да, – сказал Веттели печально. – Я тебя знаю, Коул Барлоу. И я никогда не стреляю в спину.

Он знал, что обязательно опередит врага. А Барлоу – не знал, он никогда не ходил в разведку со своим капитаном. Он так и не понял, что случилось, и невольные зрители тоже не сразу смогли понять. Они ожидали услышать выстрелы – но выстрелов не было. Будто маленькая блестящая молния мелькнула в воздухе, и в тот же миг Барлоу повалился навзничь, увлекая за собой свою жертву. Штык-нож выпал из его руки, так и не нанеся последнего, рокового удара. Тело дёрнулось пару раз, вытянулось и замерло неподвижно.

Полковник Кобёрн первым приблизился к телу, нагнулся в недоумении...

Насильник был мёртв. Из его левой глазницы торчала костяная рукоять махаджанпадийского метательного ножа.

– О! – весело усмехнулся кто-то за его спиной. – Теперь я своего капитана узнаю!

Полковнику стоило больших усилий справиться с дурнотой, комом подкатившей к горлу.

Веттели тоже приблизился к труп, и даже слегка толкнул ногой, вроде бы, и для него здесь есть что-то интересное – не хотелось казаться совсем уж бесчувственным.

На самом деле, чувств не было никаких. Ни радости победы, ни облегчения, что проблема удачно разрешилась, ни сожаления об очередной, пусть и заслуженно, но всё-таки загубленной жизни. Не осталось даже неприятного осадка на душе оттого, что поворот в его собственной судьбе оказался отмечен кровью. Просто эта мерзкая тварь не вписывалась в тот мир, что начал приоткрываться перед ним: с цикламенами на окнах, с тёплыми коричневыми булочками, с феями, уцелевшими в старых парках. Она была лишней, и он от неё избавился, только и всего. О чём тут сожалеть?

– Прикажите забрать вашего курсанта и избавьтесь от этой падали, сэр, – сказал он полковнику почти весело. – Жаль, в ваших краях не водятся гули, некому скормить. На вашем месте я бы, пожалуй, обратился в отдел магической безопасности. Покойник наверняка дурной, при жизни у него была очень скверная репутация.

– Да, – повторил Токслей со смехом, – вот теперь я своего командира узнаю! Предусмотрительность всегда была вашим коньком, сэр.

– Ох, даже не знаю, – с лёгким сомнением вздохнул Веттели, ему в голову пришла новая, неприятная мысль. – Может быть, по закону это будет расценено как преступление? Всё-таки я его убил. Не вышло бы неприятностей с гражданскими властями...

– Ну уж нет! – раздался крик души. Это вышел из оцепенения полковник Кобёрн. – Ни один волос с вашей головы не упадёт, это я вам гарантирую, капитан...

– Норберт Веттели – подсказал Токслей.

– ... капитан Веттели. Бедный Уинсли... Парни, сколько можно стоять столбом? Живое, несите этого шалопада в лазарет!.. Бедный Уинсли – любимый внук генерал-майора Уинсли, командующего Баргейтским гарнизоном. Уверен, генерал-майор не отдаст это дело штатским, тем паче, что демобилизованы вы *частично*. Ни о чём не тревожьтесь, господа, мы решим этот вопрос, вас никто даже не побеспокоит! – и, после секундной паузы, – Думаю, вы можете рассчитывать на награду. Я пред вами в долгу, капитан! – он сжал его руку в сухих, горячих ладонях, потом похлопал по плечу, и Веттели решил, что это очень даже мило и трогательно, и полковник Кобёрн, в сущности, приятный человек. А что не воевал, это не так уж и важно. Кто сказал, что все полковники на свете обязательно должны воевать?

...А настроение ему всё-таки подпортили, совсем чуть-чуть.

Они с Токслеем уже покидали стены казармы, когда до слуха Веттели долетели брошенные кем-то из отставников язвительные слова: «Нашла коса на камень! Связался *упырь* с *веталом*!»

Капитан вздрогнул.

«Упырями» по ту сторону реки Эстр, разделившей Старый Свет пополам, называли тварей, похожих на вампиров и имеющих те же повадки. Прозвище своё Барлоу получил, воюя на его берегах, и, уже будучи известным в солдатских кругах под именем «Упырь», за какой-то из своих подвигов загремел в дальние колонии.

А там, в кошмарных джунглях Махаджанапади, водились свои вампиры – ветапы. Неуловимые, хищные, смертельно опасные для всего живого. И там же служил юный лейтенант Веттели, лучший разведчик полка. Прозвище прицепилось к нему в первые же месяцы службы, и не только созвучие слов было тому виной.

Пожалуй, в полку нашлись бы те, кому такое имя показалось бы даже лестным. Поначалу и сам Веттели против него не возражал (не то чтобы нравилось, просто по принципу «брань на вороту не виснет»). Пока однажды в ночной разведке его отряд с этими самыми ветапами не столкнулся нос к носу. Тогда и обнаружилось, между прочим, что обычных защитных кругов кладбищенские твари даже не замечают. Людей спасло лишь чудо в лице злобных махаджанападийских комаров, из-за которых все открытые участки тела солдат были покрыты гноящимися расчёсами, и нового полкового врача, заставившего всех поголовно, под страхом гауптвахты, намазаться какой-то кошмарной новоизобретённой мазью из смеси дёгтя, касторового масла, ксероформа и пепла птицы феникс. Мазь воняла так, что лейтенант Веттели пришёл в ужас:

– Да как же мы в разведку пойдём? Мятежники нас за милю носом учуют!

– Можно подумать, ваши мятежники когда-нибудь нюхали бальзамический линимент! – отмахнулся эскулап и намазал лейтенанта собственноручно, ещё не догадываясь, что спасает не только от гнойничков, но и от кровожадных тёзок: ветапам его снадобье пришлось настолько не по вкусу, что один, успевший лизнуть, даже сдох.

Вернувшись из той страшной вылазки, лейтенант Норберт Веттели взмолился со слезами на глазах:

– Парни, ну, пожалуйста, не называйте меня больше Веталом! Слышать не могу! Разве я похож на этих чудовищ? За что вы меня так?

Свои больше никогда не называли. Но, оказывается, разошлось, и не забылось по сей день. Стало неприятно, будто кто-то прошёл по его могиле.

К счастью, досадный эпизод очень скоро напрочь вылетел из его головы под влиянием новых, радостных впечатлений.

Сначала была ночёвка в маленьком отеле под вывеской «Домашний уют». Более искушённый постоялец непременно отметил бы, что хозяйева выдают желаемое за действительное, потому что в номерах холодно и пыльно, кровати жёсткие, подушки комковатые и очень дурная кухня. Однако, лорд Анстетт с ними не согласился бы. Он счёл ночлег восхитительным,

ведь в номере имелся розовый цикламен в горшке, шерстяной плед в крупную клетку, и горничная принесла в постель грелку. Грелку, подумать только! Он давно забыл, что такие вещи существуют на свете. «Ну, теперь нам для комплекта только ночной вазы не хватает», – заметил Токслей, и от его слов на обоих вдруг напало неудержимое веселье, они долго хохотали, прежде чем заснуть.

А наутро двухместный кэб повёз их на вокзал, и из его окна город больше не казался враждебным всему живому, наоборот, приобрёл притягательную таинственность. Веттели даже удивился, как мог он прежде не замечать его пусть неяркой, но несомненной красоты, скромно прикрытой вуалью тумана.

Но когда поезд, прогромыхав по мосту через реку, выкатился на холмистую, всё ещё зелёную равнину, освещённую неярким осенним солнцем, и воздух вокруг сделался столь прозрачным, что видно было миль на тридцать вперёд, Веттели почувствовал такое облегчение, будто с плеч свалился груз, который он носил на себе так долго, что успел привыкнуть к тяжести и позабыть о ней. В песках Такхемета капитан Веттели возненавидел солнце как злейшего врага, кто бы мог подумать, что так скоро будет рад увидеть его вновь?

Из любопытства он открыл окно, и, высунувшись наружу так далеко, как мог, оглянулся назад, на покидаемый ими Баргейт. Но не увидел ничего, кроме гигантского белёсого кокона, расплзшегося по равнине по ту сторону реки. Странно: получалось, что беспросветный баргейтский туман – это какое-то сугубо местное явление, не продолжающееся за пределы городской черты. Интересно, было ли оно обусловлено физическими факторами, типа низменного расположения города и слишком большого выброса в воздух промышленных паров, или тут имело место магическое проклятие? А что, не исключено. За годы войны Соединённое Королевство нажило себе немало врагов не только в колониях, но и в Старом Свете...

А окно почти сразу пришлось закрыть, потому что из-под сиденья вылезло некое невзрачное существо принадлежащее, видимо, к особой, железнодорожной разновидности брауни, и осведомилось, в своём ли сэры уме. Умные люди, каковых ему изредка, но всё же доводилось встречать, не стали бы выстуживать вагон, ведь на дворе не лето, пояснило оно. С маленьким народцем шутки плохи, это всем известно. Поэтому Веттели не стал спорить, окно покорно закрыл и извинился, пообещав к следующей поездке непременно поумнеть. Существо удалилось к себе под лавку, благосклонно кивнув, а Веттели неожиданно обнаружил в собственной ладони совершенно постороннюю вещь – ещё секунду назад её там не было. При ближайшем рассмотрении это оказалась старинная бронзовая монета диаметром в полтора дюйма, затёртая настолько, что на ней нельзя было разобрать ни одного значка, даже номинала и герба. Зато у края была пробита дырочка для шнурка.

– Ого! Да вам везёт! – присвистнул Токслей при виде находки. – Подарки маленького народца обычно оказываются сильными охранными амулетами, и мало кому удаётся их заполучить. Храните, и не вздумайте потерять.

Терять подарок вагонного существа Веттели и сам не собирался, пропустил шнурок, повесил монету на шею и порадовался как кстати она пришлась, будто заполнила собой неприятную пустоту. Пять лет на этом месте висел смертный медальон, но при демобилизации его пришлось сдать. Казалось бы, невелика потеря, но всё-таки подспудно чего-то не хватало. Сила привычки, вот как это называется.

...Дорога до Эльчестера заняла пять часов, они даже успели немного поспать, верные фронтовой привычке, никогда не пренебрегать такой возможностью, если уж она представилась.

В Эльчестере Веттели уже доводилось бывать в юности: довольно милый, но ничем не примечательный городок, выросший в начале века вокруг ткацкой фабрики Хардмана, на месте старого имения герафов Эльчестеров, тоже проданного когда-то за долги. «Интересно, теперь и в Анстетт-холле откроют фабрику? Жаль. Это погубит сад», – отстранёно, без эмоций поду-

мал Веттели, с садом у него не было связано никаких личных воспоминаний, за исключением крупной мраморной лягушки, примостившейся на камне посреди затянутого ряской пруда. Вот лягушку в самом деле было жаль.

...– Прошу, капитан! Вот она, краса и гордость Гринторпа! Пятьдесят миль в час, система магической защиты от гремлинов и глашанов! – Токслей сделал широкий приглашающий жест, и Веттели, наконец, обратил внимание на открытый серый венефикар, примостившийся у станции под полосатым тентовым навесом. Сердце радостно застучало в предвкушении чего-то необычного. Веттели всегда был равнодушен к разного рода модным новинкам, но прокатиться на венефикаре ему хотелось давно.

В послевоенном Баргейте этих машин развелось полным-полно: если встать на любом из перекрёстков старого города, то за четверть часа мимо непременно проедет хотя бы одна. Они ворчали, будто маленькие чудовища, и мигали бледными жёлтыми фонарями, похожими на глаза. Они выходили из тумана и уходили в туман. Ползли медленно-медленно, не используя и четвёртой части своих «лошадиных сил». Обычные кэбы и то были быстрее, видимо, кучера лучше умели ими управлять. При этом в газетах утверждали, что при ясной погоде да на хорошей дороге магическая повозка способна легко обойти разогнавшийся паровоз, а из-за того, что размер её невелик, скорость ощущается ещё сильнее, возникает едва ли не чувство полёта. Именно это чувство Веттели и мечтал испытать.

Увы, каких-нибудь за два-три месяца за рычагом чужого венефикара не могли превратить Токслея в лихого водителя, поэтому вышел не полёт, а просто приятная, неумолимая поездка, действительно не имеющая ничего общего с пыткой бронеплощадкой. Удовольствию от неё весьма способствовали чудесная погода и на редкость живописная местность. Стоял очень тёплый для середины октября день. Солнце проглядывало сквозь легкую дымку, рассеивалось в кронах деревьев, наполняя воздух мягким, янтарного оттенка сиянием. Даже не верилось, что это нежное осеннее светило способно быть беспощадным убийцей, каким его знали там, в песках... Дорога шла через жёлтые и красные рощи, петляла меж холмов, всё ещё по-летнему зелёных, украшенных кольцами белых и серых валунов – хранителей памяти о народах, обитавших под ними до прихода в эти края человека. Впрочем, с употреблением прошедшего времени в последней фразе согласились бы не все. Магическое сообщество так и не сделало официального заявления о том, покинуты холмы Соединённого Королевства их исконными обитателями – фейри, или те затаились внутри, исказив пространство и открыв выход на свет божий в какой-то из соседних миров. Простые же деревенские жители единодушно утверждали, что холмы продолжают оставаться населёнными, свидетельствовали о многочисленных встречах с их жителями, иной раз даже жаловались властям на подмену младенцев. Только власти почему-то не верили, должно быть, так им было проще. Ведь если проблема признана существующей, её надо как-то решать...

Разговор о таинственных обитателях холмов вышел увлекательным и длился почти всю дорогу, до тех пор, пока Веттели не упомянул в этом контексте имя своей няни, которая была великим знатоком всевозможных историй из жизни маленького народца, и в своё время щедро делилась сведениями с воспитанником.

...– Подождите, как высказали? – воскликнул Токслей, притормаживая. – Миссис Феппс из Гринторпа? Да уж не та ли Пегги Феппс, у которой наши повара берут зелень и овощи для школьной кухни?

– Да,...ой! – от волнения перехватило голос. – Да, мою няню звали... зовут Пегги. А её покойного мужа звали...

– ...Бенжамен, и в день тезоименитства королевы его поднял на рога бык! – победно закончил лейтенант.

На это Веттели смог только кивнуть, сил говорить не осталось. Спасибо, Токслей умел трещать за двоих:

– Удивительное совпадение! Вижу в нём перст судьбы: не зря я везу вас в Гринторп. Вы ведь намерены повидаться с миссис Феппс?

– Да, конечно! Как можно скорее!

– Вот и замечательно, она живёт по дороге. Оставляю вас у неё, сам тем временем переговорю с директором, а потом вернусь за вами. Согласны?

Веттели ещё раз кивнул, и оставшиеся семь миль до Гринторпа всё перебирал в уме варианты, как лучше представиться, чтобы няня сразу поняла, кто он такой и зачем явился к ней в дом названный. Токслей продолжал оживлённо рассказывать о чём-то своём, но Веттели его уже почти не слушал, лишь машинально поддакивал и односложно, не совсем впопад отвечал. Наверное, ещё никогда в жизни он так не волновался!

А все его заготовленные речи пропали даром.

Миновав каменный арочный мостик через широкий ручей, венефикар выкатился на очаровательную, украшенную поздними цветами деревенскую улицу и остановился перед небольшим домиком красного кирпича под тростниковой крышей, пятым или шестым от края. К дому вела тропинка, выложенная крупным плитняком, обрамлённая низенькой живой изгородью из самшита. У крыльца, рядом с синей садовой лейкой, сидел солидный рыжий кот и мыл под хвостом. А на окнах белели, розовели, алели цикламены. Всё как и должно быть. Если бы Токслей не указал на дом миссис Феппс, Веттели нашёл бы его сам.

– Вас проводить, капитан? – наверное, у него был слишком ошалелый вид.

– Спасибо, лейтенант, я сам.

... Всё-таки он нашёл в себе силы постучать, хотя долго топтался перед дверью в нерешительности, всё перебирал в уме приветственные фразы. Но распахнулась дверь – и он не успел рта раскрыть.

– Добрые боги! Берти! Мальчик мой маленький, это ты!

Она узнала его сразу, едва бросила взгляд. Ей не помешали шестнадцать лет разлуки, за которые её питомец превратился из ребёнка во взрослого мужчину, прошедшего войну. И он её узнал. Но ему-то было куда как проще: няня **ВООБЩЕ** не изменилась. Он-то ожидал встретить утлую, седенькую старушку, согбенную болезнями и невзгодами, а перед ним стояла его собственная няня, такая, какой он видел её в последний раз: клетчатое платье, белый передник, серая шаль, округлое лицо почти без морщин, светлые волосы узлом – разбери-ка, есть ли в них седина...

Ну, конечно, так оно и должно было быть. Если разобраться и посчитать, то за прошедшие годы одряхлеть миссис Феппс никак не могла. Просто пятилетнему человеку тридцатилетняя женщина кажется очень, очень взрослой, а шестнадцать лет представляются целой жизнью, вот воображение и сыграло с ним шутку.

Но понимание этого пришло позже, в первый же миг Веттели показалось, будто он таинственным образом угодил в собственное прошлое, сделалось даже как-то не по себе.

А потом ему было уже не до размышлений и ощущений – только успевай отвечать на вопросы, сыпавшиеся как горох из мешка. Этот было настоящее испытание. Не так-то просто уместить в короткий рассказ почти двадцать лет жизни, успевая при этом отдавать должное и ростбифу, и сливовому пирогу со взбитыми сливками: «Вчера растопила камин, утром глядь – вся решетка в саже! Ну, думаю, Пегги, затевай-ка ты скорее пирог, гости будут. И верно! И какие гости-то, какая радость! Вот и не верь после этого приметам!».

От подзабытых, но таких привычных звуков няниного голоса, прикосновений её рук, от запахов домашней еды и мурлыканья рыжего кота Чарльза в душе Берти Веттели воцарилось такое безмятежное счастье, что рассказ о прошлом вышел весёлым. Он ничего не пытался приукрасить специально, память сама извлекала из своих недр только приятные воспоминания, а всё дурное загоняла под спуд. Но Пегги Феппс была неглупой женщиной, прожившей

жизнь. Ей достаточно было просто взглянуть на своего измученного войной воспитанника, чтобы догадаться о реальном положении вещей.

– Не представляю, как сэр Коннал мог так с тобой поступить! – горестно вздыхала она. – Ты проливал кровь за нашу страну, а он в это время проигрывал в карты твоё будущее! Как он мог, как он мог!

– Наверно, думал, что я не вернусь, – пожал плечами Веттели, он по-прежнему ни о чём не жалел и отца не осуждал – ему было всё равно. – Я сам так думал тогда.

– Ах, да ни о чём он не думал! – в сердцах махнула рукой няня. – Когда он вообще о тебе вспоминал, скажи на милость?

– Ну, он же оплачивал мою учёбу, – резонно возразил Веттели. – Значит, минимум раз в год вспоминал, когда получал счета.

– Ты считаешь, что такого количества родительского внимания ребёнку достаточно? – подняла брови миссис Феппс.

– Не знаю. Мне, кажется, хватало, – ответил Веттели неуверенно, прежде он о таких вещах не задумывался. Просто они с отцом были абсолютно чужими людьми, родство это ничего не значило для обоих. Лорд Анстетт не проявлял к сыну тёплых чувств – но ведь и ему самому никогда не приходило в голову, к примеру, послать отцу поздравление с праздником или попроситься домой на каникулы. Так уж у них сложилось, и вряд ли об этом стоило запоздало сожалеть.

К счастью, продолжать эту сложную тему няня не стала, переключилась с прошлого на будущее. Он ищет места в школе Гринторп? Умница! Значит, по выходным сможет жить у неё, уж она-то его откормит, можете не сомневаться! Он должен пойти на встречу с директором? Сегодня? В ТАКОМ ВИДЕ? Только через её труп!

Миссис Феппс всегда была чрезвычайно деятельной женщиной. В мгновение ока Веттели был отмыт от дорожной пыли, аккуратно пострижен, причёсан и переодет в свежее бельё мистера Феппса, окончившего свои дни на бычьих рогах ещё до его рождения («Мне соседка все уши прожужжала, ну что ты его зря хранишь, что о пьянице вспоминать, давно бы отдала на благотворительность. А вот и не зря, вот и пригодилось!»). Вдобавок, она успела вытряхнуть, вычистить щёткой, подштопать и отутюжить его старый мундир, а самого заставила натереть до блеска сапоги, потому что относилась это занятие к разряду чисто мужских.

В результате её усилий, к моменту возвращения Токслея, её милый Берти выглядел вполне респектабельно, и мисс Феппс не находила ни единой причины, по которой господин директор мог бы её воспитаннику отказать.

Сам Веттели таких причин назвал бы сходу не меньше десятка, но практика показала, что не он был прав, а его няня Пегги.

Школа Гринторп лежала в полутора милях от деревни, к ней, вверх по склону пологого холма, вела чудесная дубовая аллея, сохранившаяся едва ли не с Артуровских времён. По крайней мере, все местные жители были в этом непоколебимо убеждены, а некоторые брали на себя смелость утверждать, будто им лично она и была заложена. Но это уже из разряда местных легенд. Ведь даже если представить, что славному королю Былого и Грядущего в самом деле пришлось в голову заняться озеленением местности в графстве Эльчестер, вряд ли он стал бы делать это собственноручно, в крайнем случае, отдал бы приказ садовнику.

Так или иначе, аллея была сказочно хороша. Огромные дубы смыкали над ней свои кроны, сквозь просветы пробивалось солнце, и влажный, насыщенный особым дубовым запахом воздух был исчерчен его косыми лучами. Посреди дороги Токслей сделал короткую остановку, просто подышать, и Веттели подобрал в карман несколько желудей – приятно было ощущать пальцами их крепенькие гладкие бока. А впереди, меж стволов, кажется, мелькнула красная шапка оукмена. Ну, от этих созданий и до фей недалеко... Положительно, Гринторп

с каждой минутой нравился Веттели всё больше и больше. А уж когда они выехали к охотничьему замку...

Да, именно в охотничьем замке Эльчестеров школа Гринторп и разместилась.

По столичным меркам, был он не особенно велик, но для здешних мест являл собою достаточно внушительное строение, состоявшее из центрального крыла высотой в три этажа, со ступенчатым фронтоном, и боковых двухэтажных, расположенных в виде буквы «Н». Стены были оштукатурены и выкрашены в светло-серый цвет, над коричневатой черепичной крышей возвышалось несколько симметричных башенок с флюгерами и множество каминных труб. Ещё две округлые башни примыкали к торцам правого и левого крыла. Широкое каменное крыльцо парадного входа украшали статуи ощеренных волков. Они имели бы очень свирепый вид, но замысел неизвестного ваятеля был грубо нарушен более поздним вмешательством, впрочем, легко обратимым. На голову каждого зверя была напялена вязаная шапочка, могучие шеи были обмотаны яркими шарфиками, в пасти были вложены теннисные мячи и домашние туфли, у одного на носу косо сидели очки без стёкол. И досталось не только волкам. «Любители искусства» не обошли своим вниманием даже рельефную кабанью морду, прилепленную над входом на высоте чуть не десяти футов. Меж её грозных клыков торчал окуроченный дорогой колониальной сигары.

– Юные негодяи! – рассмеялся Токслей. – Опять за старое! Мистер Коулман, наш школьный смотритель, замучился их гонять.

– А по моему, неплохо смотрится, – улыбнулся Веттели. Очень... – он запнулся, подбирая нужное слово. – Очень *демократично*. Как раз в духе современных общественных веяний.

– Я передам ваши слова мистеру Коулману, – с напускной серьёзностью кивнул Токслей. – Но вряд ли он их оценит. Боюсь, у него несколько иные представления о демократии, и вряд ли он одобряет её в принципе... Ну так что, понравилось вам у нас? Пока не жалеете, что согласились поехать?

– Нравится – не то слово. Я просто очарован. Но что поехал – жалею. Потому что если меня откажут принять в штат хотя бы дворником, мне останется только умереть! – отвечал Веттели в тоне лёгкой беседы, но нельзя сказать, что он на все сто процентов шутил.

К счастью, до этого дело не дошло. Приём, оказанный Веттели профессором Инджерсоллом, оказался куда более тёплым, чем тот мог рассчитывать.

– Норберт Веттели? Да-да, я вас жду! – донеслось в ответ на его робкий стук в дубовую дверь директорского кабинета. Седовласый джентльмен, лет за семьдесят, но очень энергичный и моложавый, с длинным лицом типичного островного уроженца, поднялся из кресла ему навстречу. – Проходите скорее, мой мальчик! Простите, что так вас называю. Дело в том, что с вашим дедом, Персивалем Анстеттом, мы были лучшими друзьями со школьных лет!.. Боже, как вы на него похожи! Просто наваждение!.. А малыш Конни был совсем другим. Какой ужас, что с ним случилось! – Веттели не сразу понял, что «малыш Конни» – это ни кто иной, как его покойный отец.

– Да, сэр, это очень печальная история, – вежливо вздохнул он, чтобы не показаться совсем уж бесчувственным чурбаном. Очевидно, что этому незнакомому человеку покойный Коннал Уилфред Веттели был гораздо ближе, чем собственному сыну, поэтому он действительно имел основания о нём скорбеть.

– Я знал его с рождения, – отводя подозрительно блеснувшие глаза, выговорил профессор. – Он был таким милым младенцем. И в колледже подавал большие надежды. Но характером оказался слишком слаб, и смерть супруги его окончательно подкосила... Но не будем о грустном! – перебил он сам себя. – Будем радоваться встрече! Мистер Токслей упомянул, что вы могли бы согласиться занять место преподавателя военного дела...

– Да, – с замиранием сердца проговорил Веттели. – Я хотел бы простить вас об этом. Я понимаю, у меня нет нужной подготовки и преподавательского опыта... Но может быть... Словом, я был бы благодарен за любую должность при школе, в том числе хозяйственную.

И без того длинное лицо профессора ещё больше вытянулось от искреннего изумления.

– Боги милостивые! О чём вы говорите, мой милый! Какая хозяйственная должность! Конечно, безработица – страшная вещь, она диктует свои условия. Но здесь, в провинции, мы ещё не стали такими разборчивыми, чтобы нанимать сторожами или садовниками лучших выпускников Эрчестера за последние десять лет... да-да, именно десять. За годы войны ваш результат никто не смог превзойти. Что до преподавательского опыта – когда то его не было и у меня. Все с этого начинают. Словом, если вы согласны... – тут Веттели принялся кивать молча, из глупого опасения в последний момент брякнуть что-нибудь лишнее и испортить дело. – Вот и славно! Очень, очень рад!.. Мистер Коулман! – позвал профессор громко, и на его зов в кабинете как из-под земли (во всяком случае, Веттели не уловил никакого движения за спиной, хотя это чувство было у него прекрасно развито) возникло странное угрюмое существо, вроде бы человеческой природы, а вроде бы и не совсем. Больше всего оно напоминало старенького сморщенного гоблина, искусно замаскированного под человека, а может быть, гоблины были у него в дальней родне.

– Мистер Коулман подберёт вам форму по размеру и покажет комнату. Располагайтесь, отдыхайте, у вас очень утомлённый вид. К занятиям вам приступать только через неделю, когда мисс Топселл перестроит расписание, так что успеете подготовиться. Главное, не волнуйтесь, мальчик мой, всё будет хорошо! – профессор покровительственно похлопал его по плечу, – Уверен, вам у нас понравится.

– Спасибо, сэр, – выдохнул Веттели от души. – Я буду очень стараться.

– Идемте, сэр, – проскрипел замаскированный гоблин и фамильярно потянул Веттели за рукав. – Пожалуй, мы поселим вас в башне, – он бросил на профессора Инджерсолла вопро- сительный взгляд из-под кустистых рыжих с проседью бровей.

– Да-да, – немного рассеяно кивнул тот. – Лорду Анстетту там будет удобно, я уверен.

Ещё бы ему не было удобно! Да он с младенческих лет не имел комнаты лучше! Соб- ственно, с тех пор, как будущий лорд Анстетт покинул детскую в родительском доме, он вообще никогда не имел отдельной комнаты, только место в спальне на несколько человек, и даже походный шатёр приходилось делить с денщиком.

Из-за того, что помещение находилось под крышей одной из боковых башен, планировку оно имело необычную: две стены смыкались углом, а третья, с узким как бойница окошком и широким как скамья подоконником, изгибалась плавной дугой. Окно было наполовину зашто- рено красной портьерой, от этого в комнате царил приятный тёплый полумрак. Стены были оклеены бумажными обоями песочного оттенка, с орнаментом в виде медальонов. Потолок над кроватью был скошен, и образовывал нечто вроде алькова. Кроме кровати, застеленной немного колючим клетчатым пледом, в комнате имелся письменный стол с настольной лампой под красным абажуром и скромной чернильницей, два стула, маленький комод с зеркалом, полки для книг с несколькими потрепанными томами, вероятно, оставшимися от прежнего жилья, и вешалка для верхней одежды. На полу лежал трогательный домотканый коврик под цвет пледа – красно-буро-бежевый. Традиционный камин заменяла небольшая железная печь континентального фасона, рядом стояла корзинка дров. Узкая дверь в прямой стене вела в крошечную ванную с ватерклозетом. Веттели так и замер на пороге в восхищении. Отдельного туалета у него не было даже в младенчестве, тогда он обходился несколькими иными средствами, более соответствующими нежному возрасту.

– Располагайтесь, сэр. Если что-нибудь понадобится, обращайтесь, моя комната в этом же корпусе, третья от чёрного входа, вам любой покажет. Какой у вас номер одежды? – Коул- ман окинул фигуру новичка беглым взглядом. – Так, понятно. Кастаньяна вам что-нибудь

подберёт. Нам недавно завезли новые комплекты для старшеклассников, думаю, вам должно подойти. А мантия, уж простите, будет великовата, – в тоне, каким это было сказано, Веттели уловил некоторое пренебрежение. Похоже, смотритель счёл его вид недостаточно внушительным. – Ужин у нас подают в семь вечера, обеденный зал в центральном крыле. Ну, я пошёл, сэр...

С минуту Веттели слушал, как на лестнице стихают шаркающие шаги смотрителя, потом подошёл к окну, и провёл возле него не меньше десяти минут, любуясь чудесным осенним видом, открывшимся с высоты. Окно выходило на север, из него можно было разглядеть и подъездную аллею, и деревню в окружении полей, холмов и разноцветных рощ, и извилистое русло реки, в которую впадал гринторпский ручей. А у горизонта вроде бы даже просматривались постройки Эльчестера, хотя не исключено, что их он видел только в своём воображении: уже начинало смеркаться, и в такой дали сложно было что-то понять наверняка.

«Вечером станет ясно, что к чему. Если это Эльчестер, то будет видно огни, – сказал он сам себе. – А теперь пора разобрать вещи».

Да, это, конечно, был серьёзный труд, учитывая, что весь запас личных вещей у капитана Веттели размещался в одном походном мешке. Половина из них вообще не заслуживала никакого внимания, зато вторую половину он очень хорошо разместил. Документы спрятал в выдвижной ящик стола, а на его суконной поверхности поставил трогательную семейную фотографическую карточку в рамке: отец сидит в кресле, в вольной позе, закинув ногу на ногу, с трубкой в руке, а рядом его маленький сын скачет на деревянной лошадке, белой в яблоках, с шальным раскосым глазом. Ради этой лошадки, нежно любимой в детстве, Веттели и таскал с собой фотографию по всем фронтам. Несколько любимых книг заняли место на полке. Рядом очень красиво встали латунная масляная лампа, кувшинчик с узким горлышком и резная деревянная статуэтка слона из Махаджанапади, гипсовая роза из песков Такхемета, и закопченный керамический обломок боевого голема оттуда же. Обломок был безобразен на вид, и воспоминания с ним были связаны не самые приятные (великое чудо, что не голем угробил капитана Веттели, когда они столкнулись ночью в песках, а наоборот), зато его присутствие придавало интерьеру романтически-брутальные черты. «Хорошо, что не выбросил», – похвалил себя Веттели, он уже давно порывался это сделать, да всё как-то жалел. Над кроватью, на гвозде, предусмотрительно вбитом кем-то в стену, он повесил трофейный тройной катар, украшенный серебряной насечкой и перегородчатой эмалью. Потом подумал, и перевесил оружие на противоположную стену, над столом, потому что если такая штука сорвётся и упадёт на спящего, тот рискует уже никогда не проснуться. Освободившийся гвоздь заняла наибольшая ритуальная маска: чёрная, с белыми клыками и третьим глазом во лбу. Горец, что продавал её на базаре в Лугуни, уверял, будто она хранит от невзгод. Может быть, врал, а может, и нет, учитывая, что её владелец был до сих пор жив.

Горской маской перечень ценных вещей лорда Анстетта исчерпывался. Всё остальное, включая три пистолета с запасом патронов, наградной кортик и десяток узких метательных ножей (одним из их компании был недавно убит Упырь Барлоу), он просто вывалил из мешка в ящик комода, и сам мешок запихнул туда же, чтобы не портил интерьер своим облезлым видом. Прежде он никогда не позволил бы себе подобной небрежности в обращении с оружием, но теперь началась мирная жизнь, значит, всё можно. Из принципа!

День клонился к закату, и к тому моменту, когда новый жилец закончил разбирать своё хозяйство, в комнате сгустился лёгкий полумрак. До ужина оставалось полчаса. Веттели включил настольную лампу, придавшую помещению ещё больше уюта, забрался на кровать с ногами и принялся тихо любоваться своим новым жильём, попутно прикидывая, как бы его ещё усовершенствовать. В итоге решил выпросить у няни горшок с красным цикламеном и вышитую подушку, в невысокий глиняный кувшин, найденный внутри комода, набрать и поставить сухих цветов, а на оставшуюся часть пособия купить что-нибудь на комод, лучше всего – парных

бело-рыжих фарфоровых собак, каких обычно сажают на каминную полку. Ещё не помешало бы добавить книг и обзавестись красивым письменным прибором с двумя чернильницами, подставкой для перьев и карандашей, пресс-папье, отделением для скрепок и встроенными механическими часами, но это уже в более отдалённой перспективе...

... Из размышлений о благоустройстве его вывел негромкий стук в дверь.

– Мистер Веттели? Вы тут? Я могу войти? – голос был женским, очень приятным.

– Да– да, конечно! – он поспешил отворить дверь.

На вид ей было двадцать с небольшим. Милое лицо с чертами скорее континентальными, чем островными, гладкие каштановые волосы собраны в пучок, весёлые глаза, немного смущённый вид... Словом, лорд Анстетт с первого взгляда счёл гостью очаровательной до невозможности. Общее впечатление портил только белый медицинский халат, немного небрежно наброшенный поверх простого серого платья, похоже, домашнего, и очень подозрительный маленький саквояжик в руках.

– Проходите пожалуйста, – пригласил он, неловко отступая вглубь комнаты. – Вы...

– Я Эмили Фессенден, состою при школе врачом, – поспешно выпалила она, видимо, стараясь окончательно справиться с собственным смущением. – Профессор Инджерсолл велел мне вас навестить, сказал, что после войны вы выглядите нездоровым. Вообще то, я обслуживаю женский контингент, но наш второй врач, мистер Саргасс, до пятницы в отъезде. Так что придётся вам смириться с моим обществом. Надеюсь, вы не станете протестовать, убегать и прятаться? А то некоторые молодые люди... – она сделала многозначительную паузу.

– Не стану, – испуганно заверил Веттели, которому при виде белого халата на самом деле захотелось именно убежать и спрятаться. Такхеметский полевой госпиталь оставил ему самые неприятные впечатления о медицине.

– Замечательно, – похвалила она, пряча улыбку. – Тогда перестаньте от меня пятиться, снимите рубашку и ложитесь на кровать... только не на плед, он колючий.

– Разве я пачусь? – удивился Веттели, ему казалось, он держится очень неплохо.

– Как от ядовитой кобры, – заверила она.

– Ох, простите, – пробормотал он, совсем смутившись, и больше ничего говорить не стал, лишь покорно исполнил, что было велено, зажмурил глаза и замер в неприятном ожидании.

Напрасно он так боялся. Оказалось, что медицина в лице мисс Фессенден, это совсем не то, что медицина в лице полевого хирурга, майора Скотта. Оказалось, что она может быть даже приятной и обходиться без кошмарных процедур вроде грубого тыканья пальцем в сломанное ребро и лошадиных доз противостолбнячной сыворотки. Не было даже неприятный прикосновений ледяного стетоскопа, его согрели в ладонях.

– Ну, вот и всё, зря вы дрожали... да открывайте уже глаза, честное слово, всё кончилось! Он послушно открыл.

Она сидела рядом и была чрезвычайно мила. Она успокаивающе улыбалась, но серые глаза смотрели серьёзно, даже грустно.

– Разве я дрожал?

– Как первокурсник перед прививкой оспы... Знаете что? Давайте-ка вы дня три полежите в постели, это пойдёт вам на пользу. Я распоряжусь, чтобы еду вам приносили в комнату. И завтра загляну к вам ещё, сделаю инъекцию, так что будьте морально готовы, хорошо? А это будете пить три раза в день, – она поставила на комод склянку тёмного стекла.

– Это...

– Это общеукрепляющая микстура. Она не страшная, не горькая и не кусается. Мы с вами договорились?

– Так точно... в смысле, да, мисс Фессенден, – покорно согласился он по армейской привычке с медициной не спорить и вопросов не задавать, хотя никакой нужды в постельном

режиме не видел. Досадно было тратить впустую три дня. С другой стороны, *она* обещала зайти ещё раз... От этой мысли на душе сделалось необыкновенно радостно.

Теперь она уже не скрывала смех.

– Ау! Вы и дальше намерены лежать, как замороженный? Отомрите! Уже можно шевелиться! Наденьте рубашку, в комнате прохладно. И пледом укройтесь... Вставать как раз не обязательно, я сама прекрасно найду дорогу до двери... А у вас тут мило, чувствуется индивидуальность, – она с одобрением огляделась, заметила маску на стене. – О, а это кто такой? Выглядит жутковато.

– Это какой-то восточный бог или специальный дух, предназначенный, чтобы хранить от невзгод, – пояснил Веттели, натягивая на голые плечи колючий плед.

– Вот как? Тогда передайте ему от меня, что с работой он справляется плоховато!

...Она ушла, а он так и остался лежать на спине неподвижно и думать о том, что надо же было уродиться таким непроходимым ослом! Надо же было так идиотически себя вести! Страшно представить, что мисс Фессенден про него подумала!

Он был очень, очень недоволен собой. От этого и ужин, доставленный школьной прислугой прямо в комнату, показался безвкусным, и сама прислуга, молодая, приятная на лицо, но немного слишком пышнотелая особа в белом передничке, никакого интереса не вызвала, хотя улыбалась весьма кокетливо, если не сказать, обольстительно. Ах, напрасно бедняжка старалась, расточала свои чары впустую. В тот миг, когда Норберт Веттели увидел на пороге своей комнаты мисс Эмили Фессенден, все остальные женщины перестали для него существовать.

...Должно быть, сказались волнения последних дней и наступила реакция: наутро Веттели сам не испытывал ни малейшего желания не только вставать, но даже просыпаться. Так и продремал весь день, в обнимку со сборником готических рассказов, оставшимся от прежнего жильца. В них повествовалось о призраках, гомункулусах, вампирах, родовых проклятиях, опасных экспериментах по раздвоению личности и тому подобных проявлениях мрачной стороны бытия. Несколько сюжетов Веттели счёл занимательными, остальные были откровенной безвкусицей, рассчитанной на самого неискущённого читателя. Неудивительно, что они навевали сон.

Мисс Фессенден, как и накануне, появилась незадолго до ужина. К этому времени Веттели как раз успел выспаться, и сумел более ли менее внятно поддержать учтивую беседу о погоде за окном. Когда же выяснилось, что обещанная инъекция будет всего-навсего в руку, а не в то деликатное место, которое совсем не хочется демонстрировать малознакомым женщинам, настолько воспрянул духом, что по собственной инициативе похвалил местный пейзаж и осмелился спросить у мисс Фессенден, откуда она родом. Оказалось, из Ицена. Ицен он тоже похвалил. На самом деле, ничего сколь-нибудь примечательного в этом городке не было, но если там рождаются такие очаровательные девушки, он определённо заслуживает самого уважительного отношения. Так подумал Веттели про себя, и только когда мисс Фессенден ушла, сообразил, что вторую часть надо было сказать вслух – вышел бы комплимент. Пришлось снова бранить себя ослом.

И это было только начало – вот что ужасно!

Вторые сутки постельного режима дались Веттели уже не так легко. Он добил-таки готические рассказы, перечитал «Короля Ллейра», полчаса провёл на подоконнике, любуясь хвалёным местным пейзажем, после обеда его зашёл навестить Токслей, скрасил одиночество. Но всё равно, день тянулся и тянулся, хотелось новых впечатлений. И когда ближе к вечеру пришла мисс Фессенден со своим саквояжиком, он не выдержал и взмолился:

– Пожалуйста, можно мне завтра прогуляться по парку? Я так устал лежать...

Она смерила его строгим и внимательным медицинским взглядом, потом весело рассмеялась и сказала, скорее утвердительно, чем вопросительно:

– Хотите увидеть фей.

– Да! – мужественно признался капитан.

– Ну, что ж, подышать свежим воздухом вам тоже будет полезно.

Тут его идиотизм и явился миру во всей красе!

«Ах, но ведь мне совсем незнакома здешняя округа! Не были бы вы столь любезны, не согласились бы составить мне компанию?» – вот что он должен был ей сказать. Может быть, она согласилась бы. Может быть, она сама этого ждала.

– Спасибо, мэм, – сказал он с чувством.

На том и распрощались до следующей процедуры.

После этого он мог сколько угодно ругать себя последними словами – момент был упущен, бездарно и безвозвратно. Представится ли второй?

Этот парк не был посажен людьми. Он возник задолго до их прихода, и был частью Великого леса Броселианд, покрывавшего в доисторические времена едва ли не четверть континента и все Острова, тогда ещё не принадлежавшие людям. Его мощные дубы, длинноствольные буки и раскидистые грабы были прямыми потомками тех деревьев, что видели кровавые битвы фоморов с племенами богини Дану и благородные поединки рыцарей-сидов, слышали пение первых кельтских друидов, могущественных, как сами боги...

Великий лес отступил под ударами топоров, давая место пашням, пастбищам и городам. Лишь малые его частицы уцелели, приспособились к новым обитателям Островов, стали домашними, почти ручными. Но каждая из этих частиц и по сей день хранит под своей сенью древние тайны Великого Леса, доступные очень немногим из тех, кто воображает себя её хозяином...

Откуда ему в голову пришла такая мысль? Брёл по тропинке, нарочно громко шурша опавшей листвой, собирал красивые стебельки для кувшина, думал о том, как хорошо было бы идти вот так вдвоём... И вдруг будто нашептал кто-то невидимый. И в воздухе разлилась странная синь, и стихли все звуки, даже сухие листья перестали шуршать, будто их кто-то облил водой.

А потом он заметил ЕЁ. Она сидела на самой макушке маленькой каменной совы, удобно устроившись между ушей. У неё не было ни стрекозых крылышек, ни высокого остроконечного колпака, и одета была не в шёлк и вуаль, а в какую-то бесформенную хламидку, выкроенную из жёлтых кленовых листов и подпоясанную белым шнурком от спортивной туфли. Рыжие волосы были всклокочены, острые ушки подёргивались, как у встревоженной лошади, вдобавок, она ела ягоду рябины, вгрызалась в неё, как в яблоко, и весь подбородок был перепачкан горьким оранжевым соком. В общем, сказочной красавицей это растрёпанное существо не назвал бы никто.

И всё-таки, она была самой настоящей фей, Веттели сразу это понял и ни на миг не усомнился. Он замер на месте, боясь даже дышать, чтоб не спугнуть.

Но существо оказалось не из пугливых. Оно лихо отшвырнуло огрызок ягоды, вытерло своё маленькое остренькое личико тыльной стороной ладони, и сказала очень буднично, будто нарочно его здесь поджидало.

– А! Пришёл!

– Пришёл, – подтвердил Веттели – а что ещё ему оставалось?

Фея по-собачьи повела носом, к чему-то принюхиваясь. Сморщилась, чихнула и велела:

– Уходи. Ты плохой. От тебя пахнет кровью и смертью.

– Нет, я хороший, – возразил Веттели. Звучало глуповато, но уходить он не хотел... – Просто я был на войне.

Она небрежно махнула рукой.

– А, война... Я знаю войну, я помню. Это когда люди в железных одеждах машут железными палками, а потом хоронят своих мёртвых где попало. Фу!..

«Люди в железных одеждах»! Ого! Речь явно о рыцарях, закованных в латы. Сколько же лет живёт на свете это эфирное создание?

– ...Но ты врёшь. Войны нет уже давно. Ещё не родился дед твоего прадеда, когда она кончилась.

– Это здесь её нет. Война была за морем.

Фея энергично кивнула.

– Да, где-то далеко война была. Я видела, как над холмами кружили перитоны²... Ну и хорошо! – бессердечно подытожила она. – Пусть ваши мёртвые валяются за морями. Ладно, оставайся, поговорим. Я Гвиневра... только не подумай, будто таково моё настоящее имя! Родные зовут меня совсем иначе, а это я взяла нарочно, для людей, в память об одной знакомой даме... Между прочим, тебе удобно так со мной разговаривать? А то могу увеличиться до твоего роста. Или тебя уменьшить...

– Не стоит! Мне очень удобно, честное слово! – поспешил заверить собеседник.

– Ну и славно, значит, не будем тратить на это время, оно нынче дорого. Итак, я Гвиневра. А ты Норберт Реджинальд Веттели. Очень мило с твоей стороны. Будем знакомы!

Вот и пойми, что с его стороны «мило»? Что он наречён Норбертом Реджинальдом Веттели? И откуда только узнала, ведь сам он представиться так и не успел!

– Мило, что ты пришёл меня навестить, – пояснила «Гвиневра», она читала его мысли как раскрытую книгу. – Не понимаю, зачем тебе это? Ну, сижу на сове, ем рябину – что здесь интересного? А все ходят и смотрят, ходят и смотрят... Откуда у вашего народа такое нездоровое пристрастие – подглядывать за фейри?

Веттели смутился, такой постановки вопроса он не ожидал.

– Не знаю... Просто из-за нас, людей, мир так изменился в последние столетия... Вас осталось так мало...

– Мало? – «Гвиневра» с пренебрежением фыркнула. – Вот ещё выдумал! Вы люди, склонны преувеличивать собственное значение. Нас ровно столько, сколько было всегда. Просто не все могут нас видеть. Ты – можешь, потому что среди твоих предков был кто-то из старшего народа. А другим не дано. Если, конечно, мы сами им не покажемся. Но это развлечение на любителя, а таковых среди нас, по счастью, немного.

Вот так они себя, оказывается, называют! Не «маленький народец», а «старший народ»! Наверное, это справедливо.

– Среди моих предков были феи? – потрясся Веттели.

– Не обязательно. Не думаю. Мы редко путаемся с людьми. Скорее уж кто-то из ши или тилвит тег, – «Гвиневра» явно не одобряла подобную разнузданность нравов. – Иначе с чего бы ты уродился таким красавчиком? Вы, люди, обычно уродливы как бесснежная зима. А если среди вас вдруг попадаете экземплярчик поприличнее – верный признак: ищи старшую кровь. В тебе её полно. Пожалуй, ты мог бы стать друидом, если бы хорошенько потренировался и отказался от своей нелепой одежды, она тебе не к лицу.

Становиться друидом Веттели ни под каким видом не собирался, он всегда старался держаться в стороне от религии и политики. Поэтому поспешил сменить тему.

– Скажи, это было давно?

Человек, пожалуй, не понял бы вопроса и стал уточнять, о чём речь. Фея поняла всё.

² *Перитон* – чудесный зверь с рогами и орлиными крыльями. При полёте он отбрасывает человеческую тень, потому что в него вселяется дух человека (чаще всего солдата или моряка), недавно умершего вдали от дома и прилетевшего в образе перитона последний раз взглянуть на родные края.

– Давно ли какая-то из твоих пра-пра-прабабок грешила с сидом? Недавно. При короле Артуре... хотя, нет. Минимум на сотню лет позднее. И похоже, она была не одна такая. Явно вижу три разные линии...или восемь? В общем, много. Так ты точно не хочешь пойти в друиды? – определённо, от «Гвиневры» ничего нельзя было утаить.

– Не хочу, – признался Веттели.

– Зря. Тогда пообещай мне одну вещь. Круглая облезлая штука у тебя на шее...

– Эта? – Веттели извлёк из-под рубашки монету.

– Именно! Право, какая же дрянь! Никакой красоты, ни-ка-кой! Обещай ни за что её не снимать, пока живёшь в Гринторпе... Ужасное название! Если бы боги были добрее, они раз и навсегда запретили бы людям упражняться в топонимике... Так ты обещаешь? Учти, если не будешь капризничать, я исполню твоё самое сокровенное желание! Ну? Клянись!

– Обещаю и клянусь! – поспешил заверить Веттели, порядком сбитый с толку. За ходом мысли феи было не так-то просто уследить.

– Вот и умница! Можешь загадывать желание. Только не думай слишком долго, от этого стареют. И вслух не произноси, мало ли, кто захочет подслушать.

Долго думать не было нужды. Стоило заговорить о сокровенном, как в уме сразу же возник пленительный образ мисс Фессенден, и ничто другое туда уже не пошло.

– Ах, – сказала фея разочарованно. – Я могла бы и сама догадаться! Вы, люди, такие одинаковые, такие предсказуемые... Но как раз в этом вопросе моё вмешательство совсем необязательно. Придумывай другое желание! Или нет! Я сама решу, как будет лучше. От тебя сегодня всё равно не добиться толку. Можешь идти, и смотри, никому про меня не рассказывай... Хотя, почему бы и нет? Ладно, рассказывай кому хочешь, но не упоминая имён. Я не ищу дешёвой популярности в твоём народе. О'ревуар, как теперь говорят на континенте! Было приятно поболтать, заглядывай по пятницам на чай!

Так она сказала и исчезла, рассыпавшись фонтанчиком белых искр. Осталась только маленькая каменная сова. Она подмигнула Веттели каменным глазом, насмешливо щёлкнула каменным клювом и снова притворилась обычной парковой скульптурой, только смотрела уже в другую сторону. Интересно, замечают ли школьные садовники, что здешние статуи ведут себя немного странно? Или в Гринторпе это в порядке вещей?

...– Ну, как ваша прогулка? – спросила вечером мисс Фессенден. – Повезло ли увидеть фею?

– Повезло. Мы очень мило беседовали у статуи совы.

– Чт-о?! Вы беседовали с феей? – брови девушки удивлённо поползли вверх, она взглянула на пациента едва ли не с тревогой, но тут же заулыбалась. – Вы шутите!

– Нет, не шучу, – не согласился Веттели. – Мы действительно беседовали какое-то время. А что, разве это у вас не принято?

Мисс Фессенден покачала головой.

– Насколько мне известно, за всю историю нашей школы ничего подобного ещё не случилось. Порой младшие ученики жалуются на боггартов, что те их дразнят по ночам. На чердаке иногда видят даму с петлёй на шее, она стонет и зовёт своего сына, это слышали многие. Но чтобы феи разговаривали с людьми! Обычно они только мелькнут, и сразу рассыпаются искрами, даже разглядеть толком не удаётся. Вы уверены, что хорошо себя чувствовали, и вам не почудилось?

Теперь уже рассмеялся Веттели.

– Уверен, мисс Фессенден! Честное слово, я не склонен к галлюцинациям! Если хотите убедиться, давайте как-нибудь сходим в парк вместе. В пятницу я как раз приглашен на чай.

Вот он – СЛУЧАЙ! Представился-таки снова! И на этот раз он его не упустил! Интересно, это заслуга «Гвиневры», или он сам начал понемногу выходить из состояния клинического идиотизма?

Мисс Фессенден продолжала не верить своим ушам.

– То есть, вы хотите сказать, что фея пригласила вас на чай?! Невероятно! Я непременно пойду с вами в пятницу. Это мой долг, в конце концов – убедиться, что с вами всё в порядке...

О! Вот и ей подвернулся удобный повод принять приглашение! Как удачно всё сложилось!

– ... А о чём ещё вы говорили с феей? – теперь в её голосе звучало не столько сомнение, сколько чистое детское любопытство.

– Ох, даже не знаю... О моих предках и о людях вообще. Знаете, так трудно уследить за ходом мысли фей! Но кончилась наша беседа тем, что она обещала исполнить моё самое сокровенное желание.

– Правда? И какое же желание вы загадали? Или это секрет?

– Да так, кое-что личное, – Веттели постарался ответить небрежно, будто речь шла о пустяках, но почувствовал, как щекам стало горячо. – Она всё равно не хочет его исполнять. Сказала, что сама придумает для меня что-нибудь поумнее.

Мисс Фессенден покачала головой.

– Потрясающе! Даже не знаю, верить вам, или нет!

– В пятницу! – заговорщицки напомнил Веттели.

... После этого разговора он осмелился думать о ней не «мисс Фессенден» а «Эмили». Пока ещё не «моя Эмили» а просто «Эмили» – чтоб не слазить.

Утром пришла прислуга от смотрителя Коулмана, принесла стопку чистой одежды.

Школа Гринторп гордилась своим демократизмом, поэтому и ученикам, и учителям полагался один и тот же форменный костюм: мягкие шерстяные брюки, фланелевая рубашка, белый свитер грубой вязки с острым вырезом и вензелем «G» вышитым на груди.

Веттели быстро разобрал принесённые вещи, привычно оделся. Да-да, именно привычно. Гринторп явно гнался за славой Эрчестера. Во всяком случае, форменные костюмы двух школ совпадали почти в точности, и различались только эмблемой. В свои школьные годы юный Норберт носил на груди вышивку «E». И ещё круглые очки с простыми стёклами. Считалось, что они придают молодым людям серьезный и интеллектуальный вид. На деле же, это было всеобщее несчастье, повод для бесчисленных замечаний и дисциплинарных взысканий. Их забывали, теряли и ломали, с умыслом или без оного. Их ненавидели чуть не до слёз. Право, жуткое было зрелище: сидят в классе человек тридцать, и все таращатся круглыми стёклышками! Слава добрым богам, в Гринторпе до такой глупости не дошли, и к ученической форме никакие дополнительные аксессуары не прилагались. Зато учителя должны были надевать на урок поверх свитера чёрную мантию с рукавами до середины локтя, покроем напоминающую детскую распашонку, и академическую шапочку с кисточкой. Но Веттели, собиравшийся не на урок, а на завтрак, вообразил, будто в обеденном зале можно обойтись и без них.

Напрасно он так думал.

Едва он успел спуститься по башенной лестнице и выйти в нижний боковой коридор левого крыла, как его окликнул строгий и неприятно хриплый голос.

– Молодой человек! – Веттели обернулся. – Да-да, я к вам обращаюсь! Вы из какого класса? Вы новенький? Почему я не вижу вас на занятиях? И реферат по новейшей истории вы до сих пор не сдали, а последний срок истёк ещё вчера!

Кругленький низенький господин средних лет, с заметной лысиной в седеющих волосах, в тёплом сером шарфе вокруг горла, (не иначе, простуженного), стоял руки в боки, и с праведным негодованием и смотрел на него поверх отвратительно круглых очков.

«До чего неприятный тип!» – подумал Веттели, но ответил очень учтиво:

– Простите, сэр, боюсь, вы ошибаетесь. К сожалению... – какое там сожаление! Счастье, счастье великое! – ... я не ваш ученик, а новый преподаватель по военному делу. Норберт Веттели к вашим услугам.

– Неужели? – его ещё раз оглядели с ног до головы очень неодобрительным и недоверчивым взглядом. – Что ж, я проверю. И если выяснится, что вы морочите мне голову...

Веттели постарался улыбнуться как можно более любезно, ему хотелось понравиться этому «неприятному типу», просто потому, что тот был частью Гринторпа, который так нравился ему самому.

– Уверяю вас, сэр, я именно тот, за кого себя выдаю! Профессор Инджерсолл, мистер Коулман, мистер Токслей и мисс Фессенден могут это подтвердить.

– Я непременно переговорю с профессором. Учтите! – историк погрозил пухлым пальчиком. Похоже, он так ему и не поверил. И даже не счёл нужным представиться. Поправил кашне и с обиженным видом удалился.

А Веттели свернул за угол, в главный коридор, и снова услышал голос за спиной. Точнее, голоса – юношеские, ломкие.

– О! А это ещё кто такой? Новенький? С какого курса?

– С выпускного, наверное. Вроде, с их этажа идёт.

– Ну да! В выпускной новичков не берут, забыл, что ли?

– Правда... Так что он, к нам, что ли? Надо тогда с него...

Дослушивать, что от него ещё хотят, кроме реферата по истории, Веттели не стал. Именно в этот момент он поравнялся с большим зеркалом у входа в гардеробную мальчиков – и вздрогнул. Шайтан-шайтан, как говорят в песках! Из зеркала на него изумленно смотрел он сам, но не нынешний, боевой офицер, прошедший войну, а школьник, причём даже не выпускного класса. Потому что в шестнадцать лет он был здоровым, спортивным юношей со свежим цветом лица, а за полгода до этого вместе с половиной школы переболел скарлатиной, и выглядел примерно как сейчас. Разве что выражение лица было мягче, подбородок не знал бритвы, и на лбу ещё не появился маленький шрам от прошедшей вскользь пули. Но если не вглядываться в детали...

В общем, больше он не медлил. Юркнул за угол, пулей взлетел по лестнице, натянул мантию, нахлобучил шапочку, и уже в таком обновлённом виде добрался, наконец, до обеденного зала. Дорогу спрашивать не пришлось, безошибочно сориентироваться на местности помог запах жареного бекона и медовых плюшек. Пришёл, пожалуй, рановато, свободными оставались почти все столы. Но Токслей был уже здесь, как всегда громогласный и бодрый.

– О! Капитан! С выходом в свет вас! Между прочим, надевать мантию к завтраку необязательно, достаточно форменного костюма.

– Ну, это кому как, – пробормотал Веттели удручённо. – Мне, к сожалению, без неё пока не обойтись, – сказал так, а сам подумал, сколь же глупо он будет смотреться в этой длинной чёрной хламиде на занятиях по военному делу. – Но как в ней строем командовать – не представляю. Ещё кисточка эта... Чудно! – он представил, как кисточка болтается перед прицелом.

Токслей шумно рассмеялся.

– Господи, да кто же заставляет вас вести военное дело в мантии! Полковник Гримслоу, к примеру, являлся на занятия в своём старом мундире, тот еле сходил на его пузе. А ваш пока ещё вам впору, уж не знаю, надолго ли, – он расхохотался снова. – На худой конец, обойдётесь свитером.

– Нет, – мрачно возразил Веттели, сам не зная зачем, умнее было бы промолчать, – свитером я не обойдусь. Меня в нём принимают за школьника.

– Кто? – удивился Токслей.

– Все.

– Нет, правда? – заинтересовался лейтенант. – Ну-ка, снимите мантию, интересно на вас взглянуть! Может, всё не так плохо, как вам кажется? И шапку, шапку тоже!

Веттели с обречённым видом исполнил просьбу.

– Да! – признал Токслей, внимательно изучив сослуживца со всех сторон. – Так никуда не годится. Господи, да вы и правда совсем мальчик! Я бы сам принял вас за ученика, не будь с вами знаком. Забавно! В форме вы смотрите более внушительно.

– Форма мне надоела, – пожаловался Веттели. – Буду носить штатское, даже если оно – мантия... Кстати! – вспомнил он. – Встретил сегодня в коридоре одного субъекта в круглых очках, кажется, он историк. Хотел вытребовать у меня какой-то реферат. Не подскажете, как его зовут, а то он не представился.

– А-а! – усмехнулся лейтенант. – Встретились с нашим Хампти-Дампти?³ Нет, не подумайте, что это просто прозвище. Его действительно так зовут: Уилберфорс Дампти. Пренебрежительная личность, дети от него стонут.

– Надо же! – присвистнул Веттели. – Ещё и Уилберфорс! Неудивительно, что у него дурной нрав. Должно быть, нелегко ему приходится в жизни. Я бы так не смог.

– Ваша беда в том, – назидательно молвил Токслей, – что вы всегда ищите оправдания чужим грехам. – Веттели так и не понял, серьезен он, или, по своему обыкновению, насмешничает.

Следующие два дня прошли для Веттели очень напряжённо: он изучал программы по своему курсу и удивлялся, кто, а главное, когда их составлял. Автор, несомненно, был большим знатоком военного дела, вот только жил он в ту эпоху, когда не было ни бронеплойструмов, ни боевых големов, а может, и пороха-то не успели изобрести. Во всяком случае, развивать меткость ученикам предлагалось по старинке, при помощи лука и стрел, а выпускной класс допускался до арбалета.

Сам Веттели, имевший репутацию отличного стрелка, арбалета даже в руках не держал. В Махаджанапади пытался освоить традиционный бамбуковый лук со стрелами из тростника, чтобы обходиться без лишнего шума в ночных вылазках, но дело не пошло. Нет, не то чтобы совсем. Окажись его противником, к примеру, священная корова – в неё бы он, скорее всего, попал, если бы она бродила неподалёку, и не было бокового ветра. Но поразить более мелкую цель ему удавалось редко. Так что на роль наставника он решительно не годился. И так было буквально во всём. У них с неизвестным автором программы были совершенно разные представления о войне. Единственным более ли менее коррелирующимся пунктом оказалась строевая подготовка. «Ну, значит, с неё и начнём, а дальше будем действовать по обстановке, – решил для себя Веттели. – Главное, чтобы без громких песен в школьном дворе».

Но не дошло даже до строевой. На шестое утро его призвал профессор Инджерсолл.

– Норберт, дорогой! Выручайте!

Это прозвучало так экспрессивно, что Веттели даже испугался, что тут у них стряслось.

– Беда у нас, Бerti, беда!.. Вы простите, что я к вам по имени? Ведь я знал вас ещё младенцем. Когда ваш дед был ещё жив... Так о чём это мы? Ах, да! Наш биолог, мистер Скотт, вынужден срочно уехать на месяц-другой, у него личные обстоятельства! Очень не хотелось бы исключать его из штата и брать на это место нового человека. Вы ведь согласитесь его подменить? Как у вас с естествознанием?

С естествознанием у Веттели было хорошо, как и с прочими предметами школьного курса. Если что-то и подзабылось за прошедшие годы – вспомнить недолго. Если бы не военное дело, с которым надо было что-то решать: на одной строевой не выведешь.

³ *Хампти-Дампти* – Шалтай-болтай, известный фольклорный персонаж из сказок Матушки Гусыни.

– Ах, да боги с ним, с военным делом! Оно не входит в обязательный государственный минимум, без него можно временно обойтись, нагоните во втором триместре. А без естествознания мы пропадём. Так что сразу после выходных приступайте. Нагрузка довольно большая, по двенадцать часов в неделю у мальчиков и у девочек...

– У девочек! Естествознание! Ох! – это вырвалось невольно, не помогла даже армейская привычка никогда не перебивать старших по званию.

Отчего-то большинство людей склонны считать юных девиц из хороших семей невиннейшими созданиями, не имеющих ни малейшего представления о скрытых сторонах взрослого мира. Но у Веттели был друг (погиб под Каали), у которого он нередко и подолгу гостил на каникулах. А у друга имелись многочисленные сёстры, у сестёр – подруги. С тех пор Веттели знал совершенно точно: когда речь заходит о пестиках и тычинках, эти юные особы понимают гораздо больше, чем следует.

Причину его сомнений профессор угадал сразу, должно быть, тоже не обольщался на счёт своих учениц.

– А мы поступим так, – придумал он. – Вести занятия у двух последних курсов попросим мисс Фессенден, думаю, она не откажет. А с младшими вам будет легче. Согласны?

– Так точно... то есть, согласен, сэр.

Мысль о том, что они с Эмили на какое то время станут коллегами, приятно согревала душу.

2

Школьная жизнь постепенно входила в привычную колею, и три недели спустя ему уже смешно было вспоминать, с каким беспокойством он шёл на первый урок к девочкам...

Тут, ясности ради, следует заметить, что эксперимент по совместному обучению, которым школа Гринторп так гордилась, не деле заходил, прямо скажем, не слишком далеко. По сути, это были две школы, объединённые одним названием, общим зданием и хозяйством, общим руководством и, отчасти, общими учителями. При этом девочки занимали левое крыло замка мальчики – правое, в каждом были свои жилые и служебные помещения, свои классные комнаты. И уроки для мальчиков и девочек проводились отдельно. Даже внутренний двор школы был предусмотрительно перегороден пополам чугунной оградой, по мнению Веттели, чисто символической. Хотя и была она выше человеческого роста, но если и служила для кого-то препятствием, то, единственно, для учителей. Ни мальчикам, ни даже девочкам не составило бы труда его преодолеть. Младшие могли легко протиснуться меж прутьев, старшим ничего не стоило перелезть верхом, используя в качестве удобных ступеней многочисленные кованые перемишки и завитки. Правда, за недолгий срок пребывания в школе, Веттели ещё ни разу не видел, чтобы дети такой возможностью воспользовались. Зато однажды, после заката, когда обе половины двора опустели, он, прогуливаясь перед сном, наблюдал прелюбопытную картину, как, зажав в зубах ручку своего саквояжика, лезет через забор мисс Фессенден, собственной персоной! Перемахнула, лихо соскочила и испуганно ойкнула, заметив посторонний взгляд. Но узнав «коллегу», сразу же успокоилась. «А! Это вы! А я-то подумала, вдруг Коулман. Он обязательно рассказал бы начальству, вышло бы неловко, – выпалила она, а потом сочла нужным объяснить своё неожиданное поведение. – Саргасс опять в городе, пора делать обход в изоляторе для мальчиков, там четверо с ангиной, центральное крыло уже перекрыли на ночь, а я, как назло, потеряла свой ключ. До прислуги пока-а ещё докричишься. Вот я и решила того... напрямик. Вы ведь никому не расскажете, правда?» «Разумеется, нет!» – поспешил заверить Веттели, тогда она благодарно чмокнула его в щёку и поспешила к чёрному, торцевому входу в правое крыло.

Центральное же крыло, тщательно запираемое на ночь, днём служило местом соприкосновения мужской и женской половин школы. В нём, помимо верхних помещений хозяйственного назначения, размещался обеденный зал (но опять же, на два отделения), гимнастический зал, несколько больших парадных аудиторий, учительская комната, директорский кабинет и великолепный зал для торжеств. А ещё – кабинеты со сложным оборудованием: физика, химия и алхимия, магия. И естествознание в их числе. Должно быть, школа посчитала накладным их дублировать.

Веттели этому был рад. В центральном крыле всегда было гораздо тише и спокойнее, чем в боковых, где дети сновали как огненные шары, выпущенные из ствола противоголемной гаубицы. От детей Веттели старался держаться в стороне настолько, насколько вообще позволял его нынешний род занятий. Он с самого начала подозревал, что педагогика – не его стезя, и за три недели только укрепился в этом мнении, не испытывая при этом ни огорчения, ни разочарования, ни беспокойства. Преподавание не приносило ему радости, не вызывало интереса – ну и что? За семь лет он возненавидел и армию, и войну – это не мешало ему считаться отличным офицером. Он привык старательно и честно исполнять то, что должно, а нравится – не нравится – это понятия из какой-то другой, незнакомой ему жизни.

Может быть, именно потому, что у него не было никаких профессиональных амбиций, что он не стремился никому ничего доказывать и самоутверждаться, просто спокойно и по-военному чётко исполнял поручение, всё с первых уроков покатилося ровно и гладко. Чтобы вспомнить школьный курс естествознания, хватило нескольких ночей в библиотеке. Правда,

Эмили потом ругалась, что ему нельзя было утомляться, что он опять зелёный как покойник, но ничего, не развалился, случалось и дольше не спать. С учениками тоже не возникло проблем. К третьему курсу их уже успевали приучить уважать командный голос, сам же Веттели за время службы овладел этим инструментом в совершенстве. Прав оказался Токслей: те же новобранцы, не лучше, не хуже. Вполне управляемые, если не впадать с ними в крайности: не делать неоправданных поблажек, но и не требовать невыполнимого. В общем, с парнями он ладил легко, и скоро стал замечать признаки их доброго отношения. Это было приятно.

Но девочек Веттели поначалу опасался, ведь их в числе новобранцев не случалось никогда.

Особенно не по себе ему стало, когда, проходя мимо группы старшекласниц, услышал за спиной, приглушённо:

– Ой, смотрите, смотрите, кто это?

– Это новый учитель, ведёт естествознание вместо мистера Скотта.

– Ах, какая прелесть! Шарма-ан! Он и у нас будет вести?

– Нет, у нас врачаха. Он только у мальчиков и малышей.

– Ну-у! Почему-у? Такой хорошенький! Вечно нам не везёт! – и, мечтательно, – Ах, если бы его нам поставили, уж я бы тогда...

А в ответ насмешливо:

– Вот именно поэтому нам его и не ставят!..

Да что же это такое! – разозлился он тогда, не то на глупых девиц, не то на себя самого. Как же перестать быть «хорошеньким»? Уж и мантия с шапочкой не спасают! Отпустить, разве, бороду и усы? По школьному уставу не положено. Обриться наголо? Будут торчать уши, выйдет ещё глупее. Ограничился тем, что вспомнил детство – купил в деревенской лавке безобразные очки в металлической оправе с простыми стёклами. Но выдержал в них только один день, потом где-то потерял.

К счастью, скоро выяснилось, что маленькие девочки от новобранцев отличаются не так уж сильно, с ними тоже можно ладить. Тем более, что до пугающих пестиков и тычинок оставался почти целый триместр.

Сложнее было с новыми коллегами: большинство держалось подчёркнуто холодно, общение было чисто формальным. Кажется, настоящие учителя считали, что он не их поля ягода. И были правы, поэтому он не обижался и не пытался ничего изменить, лишь наблюдал за ними со стороны, с интересом и удовольствием, как за одним из колоритных проявлений чудесной гринторпской жизни.

Учителей, не считая его самого, лейтенанта Токслея – тоже новичка, но уже успевшего вписаться в гринторпскую компанию, мисс Фессенден, ступившую на педагогическую стезю невольно и ненадолго, и профессора Инджерсолла, читавшего выпускному классу философию, было двадцать человек, и все они представлялись Веттели персонами чрезвычайно незаурядными.

К примеру, мистер Харрис, преподававший математику у мальчиков, удивлял своей страстной увлечённостью овощеводством. Под окнами его комнаты было разбито несколько грядок, самых аккуратных и ухоженных из всех, что Веттели доводилось встречать. На них до сих пор что-то росло, не смотря на осеннюю пору. И каждый вечер, сразу после пятичасового чая мистер Харрис, облачённый, независимо от погоды, в короткий дождевик и резиновые сапожки, выходил в свой импровизированный огорожок и копался в нём ровно два часа: что-то полон, рыхлил, окучивал, унавоживал... За навозом он специально ходил в деревню с маленьким, почти игрушечным ведёрком. Токслей не раз предлагал коллеге привезти целый мешок на грузовом прицепе директорского венефикара. Но мистеру Харрису нужен был не всякий навоз, а какой-то особенный, он лично его выбирал. И одними только уличными грядками его сельскохозяйственная деятельность не ограничивалась. Собственную комнату он превратил в

подобие оранжереи: там под мощными лампами зрели перцы, томаты и баклажаны, зеленели перья лука и кочаны цветной капусты, а по окну вились огуречные плети, усыпанные весёленькими жёлтыми цветками.

Мистер Харрис был единственным, кто удостоил Веттели визитом в первый же рабочий день. Правда, внимание оказалось небескорыстным, и явился математик не один, а в компании с авокадо. Он так и сказал с порога:

– Вы Веттели, наш новый сотрудник? А это авокадо. Будем знакомы!

– Очень рад знакомству с вашим авокадо, сэр, – вежливо поклонился Веттели, стараясь сдерживать предательски рвущийся наружу смех и выдать его за любезную улыбку, – но нельзя ли узнать и ваше имя?

– А! Я Харрис. Кит Мармадюк Харрис, но теперь не о том. Авокадо! Видите, какой у него бледный вид и вытянутый ствол? Это нехватка света! Нам нужен свет!

– Я могу вам чем-то помочь? – осведомился Веттели осторожно, он уже начал сомневаться, в здравом ли его гость уме.

– Ну, разумеется, можете! – вскричал Мармадюк Харрис с нотками раздражения в голосе. – Иначе зачем бы я тащил горшок в такую даль? Разве вы не заметили, какой у вас светлый кабинет? Южная сторона! Это надо понимать, раз вы собираетесь учить бедных детей естествознанию! Авокадо будет очень хорошо на южной стороне... То есть, летом оно пострадало бы от прямого солнца, но теперь уже осень, так что всё будет в порядке, можете не беспокоиться.

Меньше всего в этой жизни Веттели беспокоили климатические предпочтения чужих авокадо, но Харриса это не смущало, он продолжал своё:

– Ваш, с позволения сказать, предшественник, не умеет ценить природу, даром что имеет к ней некоторое отношение. В классном помещении она ему почему-то мешает. Но я вижу, вы совсем другой человек и не будете возражать... Угу... – он по хозяйски оглядел помещение, и указал пальцем на учебный скелет. – Так! Ну-ка, уберите от окна эти мощи... А во-он ту подставку тащите сюда. Ближе, ближе к подоконнику. И кафедру свою отодвиньте, не то будете задевать крону локтём... Вот здесь мы будем жить! – он водрузил своё сокровище на приготовленное место и отошёл на шаг, полюбоваться. – Здесь нам будет хорошо... Но имейте в виду, вам придётся следить, чтобы дети не трогали листья. Вообще не подпускайте близко этих маленьких варваров. Больше от вас ничего не требуется, осуществлять уход я буду сам... Да! – вспомнил уже в дверях. – Не вздумайте устраивать сквозняки! Помните: авокадо – нежное растение! – погрозил пальцем и ушёл, не прощаясь.

– Ну, что ж, будем знакомы, – меланхолически вздохнул Веттели, глядя ему вслед. – Берти, это авокадо. Авокадо, это Берти. Надеюсь, его общество не покажется вам слишком грубым. Он приложит все силы, чтобы никогда не задевать вас локтем...

А вскоре после этого странного эпизода ему пришлось свести личное знакомство с ещё одним из новых коллег, притом уже по собственной инициативе.

Хорошо, что в тот момент шёл урок у мальчиков, иначе визгу было бы гораздо больше. Да он и сам едва не вскрикнул, когда прямо из классной доски на пол хлынул целый поток слизи. Была она густой, вязкой, грязно-зелёного цвета, но при всём своём внешнем безобразии имела одно неоспоримое достоинство – пахла сиренью. И было её очень, очень много. Дети с воплями полезли на столы, и Веттели не стал им за это пенять. Героически подавив естественное желание последовать их примеру и взгромоздиться на учительский стол, он решительным шагом направился к выходу, рискуя по дороге остаться без обуви – слизь всё прибывала.

Источник её он вычислил сразу: за стеной находилась магическая лаборатория.

Так уж исторически сложилось, что обычно магию преподают мужчины. Услышишь «маг» – и в уме сразу возникнет образ худого старца с высоким челом, орлиным носом, кустистыми бровями и мудрым взглядом не по возрасту молодых глаз. Но из гринторпской лабора-

тории на стук выглянул отнюдь не старец, и даже не старуха, а моложавая женщина лет сорока пяти, невысокая, плотная, очень энергичная и решительная. Вдобавок, она была сердита, и от этого её тёмные, с лёгкой проседью волосы, стояли дыбом вокруг головы и шевелились, как змеи, ясно давая понять: должность может называться как угодно, но ведьма – она и есть ведьма.

– Что такое, молодой человек? У меня урок! Лабораторная по материализации, разве можно отвлекать! Я же не рукоделие преподаю! Зайдите позже! – она хотела захлопнуть дверь перед его носом, пришлось помешать ногой.

– Простите, мэм, но у меня тоже урок. И от вас к нам лезет... – он запнулся, подбирая нужное слово, – субстанция. Зелёная. И её много! – и прибавил для солидности. – Никакой возможности продолжать работу.

– Что?! – ведьма взглянула с недоумением, ещё не понимая, кто он такой и что к чему, а потом схватилась за голову, – Ах, батюшки!.. – и унеслась прочь.

– Дэлиа Смолил, что ты творишь?! Почему у тебя портал открыт?! – долетело до Веттели из глубины лаборатории. – Хорошо, вбок пошло! А если бы вниз? Забыла, что под нами кабинет профессора Инджерсолла?!

Веттели пожал плечами и вернулся в класс, чувствуя себя несколько уязвлённым. Лично он не видел ничего хорошего в том, что «пошло вбок», и решил пожаловаться на мисс Брэннстоун – так её звали – нет, не начальству, конечно, это было не в его принципах, а мистеру Харрису. Пусть знает, какой опасности было подвергнуто его авокадо!

Но к его возвращению ни на стене, ни на полу не осталось даже следа слизи, и о происшествии напоминали только нежный цветочный аромат и ученики, вовсе не спешившие слезать со столов – когда ещё доведётся так развлечься?

А после уроков она пришла к нему сама – мириться.

– Вы уж простите, что я с вами так резко обошлась. Всегда страшно нервничаю, когда у шестых курсов лабораторные опыты. Это же не дети, это скопище оболтусов, будто их нарочно подбирали. Год, что ли, был неудачным – столько бестолочей родилось не свет одновременно!

– Да, мэм, я это тоже заметил, – сочувственно подтвердил Веттели: шестикурсники и в самом деле дружно не блистали умом.

– Значит, вы меня поймёте! – обрадовалась мисс Брэннстоун. – И к демонам эту «мэм», не люблю. Зовите меня просто, Агатай. Только не при учениках, конечно. А вы – Берти, да?

– Да, мэ... Агата, – согласился он, а про себя вздохнул: ах, если бы и с мисс Фессенден всё было так же просто, и он мог бы звать её Эмили вслух...

В общем, ведьма была единственной из учителей, с кем у Веттели сразу сложились добрые, даже тёплые отношения. Она частенько навещала его после третьего урока, кормила домашним пирогом и развлекала историями из школьной жизни, большую часть которых смело можно было причислить к разряду сплетен.

Заметим, однако, что, не смотря на лёгкий нрав, женский пол и чрезвычайно молодой для человека её профессии возраст, профессор Брэннстоун входила в десятку лучших чародеев королевства, состояла действительным членом правительственной магической коллегии, и в Гринторпе преподавала вовсе не потому, что больше некуда было податься, просто это было как-то сопряжено с темой её научных изысканий – в детали Веттели не вдавался, магию он не любил.

Зато он любил литературу во всех её проявлениях, но вот странность – именно преподаватель изящной словесности по-настоящему невзлюбил Веттели, хотя тот долго не понимал, когда и какой повод успел ему дать. Впрочем, он подозревал, что повода не требовалось вовсе, потому что Огастес Бартоломью Гаффин, несомненно, являлся самым оригинальным и эксцентричным субъектом в Гринторпе и на тысячу миль вокруг.

Это был молодой человек, всего на пару лет старше Веттели. Очень томный, очень нежный – мог дать сто очков вперёд любому авокадо. Он был красив странной, бесполой красотой. На его длинном, аристократически бледном лице навсегда застыло скучающее выражение, маленький капризный рот, казалось, вовсе не умел улыбаться, взгляд огромных водянисто-голубых глаза был неизменно устремлён в какие-то неведомые дали, и чрезвычайно редко фокусировался на собеседнике (разве что собеседником оказывался сам профессор Инджерсолл, тогда молодой Огастес до него снисходил). У него был высокий, почти женский голос, в разговоре он имел привычку немного жеманно растягивать слова, любил говорить колкости и цитировать собственные стихи. Гаффин был поэтом, настоящим, но пока не очень признанным, хотя в журналах его уже печатали. Чтобы лучше соответствовать богемному образу, он носил причёску чуть длиннее, чем оговаривалось в школьном уставе, и его великолепные, пушистые, выющиеся волосы образовывали вокруг головы золотистый ореол. Желанного разнообразия в костюме он себе позволить не мог, поэтому ограничивался невероятно яркими клетчатыми кашне, замшевыми туфлями вместо обычных школьных ботинок на толстой подошве, ослепительно-белыми перчатками, тоже замшевыми, и элегантной тростью с круглым набалдашником. Из-за этой трости он напоминал Веттели цаплю, аккуратно вышагивающую на длинных тонких ногах и тычущую перед собой носом.

В школе Огастеса Гаффина воспринимали неоднозначно: учителя – с доброй иронией, ученики дружно ненавидели, ученицы хором обожали и перед уроком привязывали к его перу голубые и розовые ленточки. Он будто бы нечаянно приносил их в учительскую комнату и жаловался с чрезвычайно довольным видом: «Ах, опять эти глупые девчонки! Надоели!»

Ещё ему нравилось воображать, будто у него больное сердце, и он не желал верить доктору Саргассу, уверяющему, что это всего-навсего межрёберная невралгия.

Стихи Огастеса Гаффина были такими же странными, как он сам: изящные, мелодичные, но лишённые очевидного смысла. При этом предмет свой он преподавал неплохо, во всяком случае, не вызывал нареканий у начальства, за исключением редких эпизодов когда он вовсе не являлся на урок под предлогом, что ему «внезапно занемоглось», и брошенные на произвол судьбы ученики устраивали свалку в кабинете.

Веттели, уставшему от армейского однообразия лиц, мундиров и манер, это чудо природы было по-своему симпатично, он был бы рад наладить с ним отношения, но Гаффин не удостоивал его даже формальным приветствием, лишь нервно передёргивал плечами и отворачивался.

Причину странного поведения коллеги Огастеса Веттели открыла премудрая ведьма. Это произошло в тот день, когда после урока у пятикурсниц он бросил взгляд на свой карандаш и с ужасом обнаружил на нём красный шёлковый бантик.

Да, Гаффин был ему симпатичен. Да, он ничего не имел против его странностей и ужимок, наоборот, они его развлекали. Но *быть похожим на Гаффина* он решительно не желал. А чтобы к нему *относились как к Гаффину* – тем более! Он боевой офицер, шайтан их побери, какие тут могут быть бантики?!

– Добрые боги, Берти, что с вами? У вас такой вид, будто вы гадюку поймали... что это? – он не слышал, как в класс вошла Агата Брэннстоун, и спрятать злополучный карандаш не успел. Она увидела и рассмеялась. – А! Отбиваете обожательниц у нашего пиита? Не зря он с первого дня точит на вас зуб!

– Нет!!! – это прозвучало трагичнее, чем хотелось, лучше было бы свести разговор к шутке. – Мне не нужны его обожательницы, у меня есть... гм... – чуть не брякнул лишнего. – Я вообще не понимаю, за что он на меня взелся.

Агата весело рассмеялась в ответ.

– А за то, что не надо было себе позволять родиться красивее Огастеса Гаффина! Сами виноваты. Такое не прощается.

Вот ещё новость!

– Неправда! У меня нет голубых глаз и золотых кудрей. У меня нет белых перчаток и межрёберной невралгии. У меня вполне заурядная внешность, немного скрашенная наследственностью. Я не родился красивее Огастеса Гаффина!

– Он ещё будет спорить с женщиной, кто красивее! – авторитетно возразила ведьма. – Уж, наверное, я разбираюсь в этом лучше тебя, мальчик, – она всегда так с ним обращалась: начинала церемонно, на «вы», но очень быстро переходила на «ты», и вообще, питала к нему материнские чувства. – Так что не надейся, эта ленточка не последняя. Рекомендую завести для них особую коробочку, а в конце второго триместра будете с Огастесом подсчитывать трофеи и сравнивать, у кого больше.

Она ехидно хихикнула и ушла, а Веттели стянул злосчастное украшение с карандаша и спрятал поглубже в карман, чтобы потом избавиться от него незаметно. Но вдруг передумал, и повязал бантик на ствол авокадо. Кажется, оно осталось довольно. Пришёл мистер Харрис, взглянул на свое приукрашенное растение, фыркнул: «Что за нелепые затеи!», но ленточку не снял. Значит, тоже понравилось.

Но вернёмся к загадочной обмолвке «у меня есть...». Да, к тому времени Веттели, пожалуй, уже имел право если не говорить вслух, то по крайней мере, думать так об Эмили Фессенден, ведь именно в его компании она проводила большую часть своего досуга.

Начало этому было положено в пятницу. Она сама заглянула в класс сразу после занятий.

– Добрый день, лорд Анстетт! – она нарочно его так называла, поддразнивала. – Помните, вы обещали показать мне говорящих фей! Ловлю вас на слове.

– Весь к вашим услугам, леди, – церемонно раскланялся Веттели. – Я буду счастлив сдерживать слово, но только в том случае, если у вас отыщется пустой аптечный пузырёк.

Мисс Фессенден озадаченно подняла вверх красивые брови.

– Какая связь между феями и аптечными пузырьками?

Связь была прямая. Стоило ему вспомнить «Гвиневу», вгрызающуюся крошечными зубками в жёсткую, горькую как хина, ядовито-оранжевую ягоду, как по коже ползла целая россыпь мурашек. К тому же не хотелось являться в гости с пустыми руками.

... Если честно, то он с самого начала сомневался в серьёзности приглашения, и чем ближе они с Эмили подходили к заветному месту, тем меньше он надеялся застать там фею. Слишком уж легкомысленной особой она ему показалась, такая о событиях недельной давности наверняка и не вспомнит. Ну и пусть, прогулка с мисс Фессенден того стоит.

Он оказался не прав. «Гвинева» по-прежнему сидела на сове, и вид у неё был недовольный.

– А! – возвестила она вместо приветствия. – Явились! С утра, между прочим, дожидаясь!

Эмили побледнела и попятилась. Похоже, до этого момента она так и продолжала считать его рассказ шуткой.

– Простите, мисс, – поспешил извиниться Веттели, прочно усвоивший из няниных рассказов, что рассерженные феи бывают чрезвычайно опасны. – К сожалению, с утра мы никак не могли прийти, у нас были уроки.

– Знаю, – неожиданно легко согласилась фея. – Видела. Бестолковое занятие. Неужели вы надеетесь, что эти глупые маленькие уродцы, с которыми вы возитесь каждый день, смогут стать хоть немного умнее?

– Конечно, смогут, – возразил Веттели, хотя его самого нередко посещали те же сомнения. – Они вырастут и поумнеют.

Фея скептически повела бровью.

– Да? Ты так думаешь? Ну-ну... А что думает твоя дама? Почему она молчит? Только не сочиняй, будто она глухонемая, всё равно не поверю. Ещё сегодня утром она прекрасно умела

разговаривать... Конечно, можно предположить, что её успел сразить апоплексический удар, но боюсь, она для такого события слишком молода.

Разумеется, Эмили после таких слов молчать перестала.

– Не было у меня никакого удара! – возмущённо опровергла она.

– Рада за тебя, Эмили Джейн Фессенден, – серьёзно кивнула фея. – Конечно, не самое красивое имя, но ничего, будем как-нибудь знакомы. Я Гвиневра. С чем пожаловали?

– С повидлом! – поспешил вмешаться Веттели, ему показалось, что дамская беседа приобретает какое-то нежелательное направление. – Вот! – он протянул фее аптечную склянку. – Сливовое.

– Ах! – фея всплеснула руками и так порывисто вскочила на ноги, что каменная сова под ней недовольно щёлкнула клювом. – Повидло! Сливовое! С ума сойти! Не первую сотню лет я живу на свете, и до сих пор ни одна живая душа не догадалась угостить меня повидлом! Да! Я в тебе не ошиблась, Норберт Реджинальд Веттели!.. – и, обращаясь к Эмили, – видишь его? Не в каждом столетии на свет рождаются такие толковые парни! Учти это, и не обижай его больше.

– Разве я его обижала? – искренне удивилась та.

– Нет, – нехотя признала фея. – *Пока* нет. Но вдруг захочешь?

– Не захочу, – пообещала Эмили и улыбнулась очень нежно.

«Гвиневра» смирila её взглядом, полным недоверия, но тут же сменила гнев на милость.

– Обещаешь? Ну, ладненько! Тогда подойди, я скажу тебе на ухо что-то полезное... Только не вздумай вообразить, будто я не умею летать, просто с банкой неудобно, – в её крошечных ручках аптечный пузырёк в самом деле казался огромной, тяжёлой банкой. – ... А ты не подслушивай! Это наши девичьи секреты. Лучше всего отправляйся домой, а Эмили Джейн догонит тебя по дороге.

...Она догнала его почти сразу – секретничали девушки недолго – и заявила с большой убеждённости:

– Всё-таки феи – очень странные существа, вы не находите? Между прочим, в следующую пятницу она рассчитывает на яичницу с беконом.

Через пару дней в комнату Веттели явился Токслей, и принёс с небольшой свёрток.

– Это вам подарок на новоселье. Одна от меня, одна от мисс Фессенден.

В свёртке оказались две фарфоровые собаки, точно такие, как он хотел: крупные, белые, мохнатые, с несколькими крупными пятнами на спине и груди, с тёмными свисающими ушами, с тёмными приплюснутыми носами, делавшими их немного похожими на сов. Они сидели в одинаковых позах, и одна являлась как бы зеркальным отражением другой.

– Уж не знаю почему, но мисс Фессенден решила, что эти зверюги вам абсолютно необходимы!

– Она не ошиблась, я давно о таких мечтал! Действительно, отличный подарок! Спасибо, лейтенант!.. Взгляните, как хорошо смотрятся!

Токслей бросил довольно равнодушный взгляд на комод и понимающе кивнул:

– Приятные детские воспоминания?

– Вроде того, – согласился Веттели, чтобы не вдаваться в детали. Если честно, никаких воспоминаний с этими фигурками у него связано не было. Просто увидел случайно на витрине баргейтского антикварного магазинчика, когда слонялся по городу одинокий и неприкаянный – и понравились.

– Как же об этом узнала Фессенден? – вдруг заинтересовался Токслей. – Вы ей рассказывали?

– Разумеется, нет! – рассмеялся Веттели. – Просто она – очень проницательная девушка, буквально мысли читает!

На самом деле он, конечно, догадывался, откуда ветер дует, кто именно в Гринторпе умеет читать мысли.

– А знаете, капитан, по-моему она к вам равнодушна. Всё расспрашивала меня о вас...

Ох! – сердце Веттели упало. – Вы ведь не рассказывали ей про меня ничего плохого?

Токслей взглянул на него с искренним недоумением.

– Интересно, чего такого «плохого» я мог про вас рассказать?

Веттели отчего-то смутился.

– Ну... там, на фронте, мы творили много страшного.

– О-о! Вы это так воспринимаете? – теперь лейтенант смотрел на своего бывшего командира с сочувствием, как на человека, не вполне здорового. – Да, нелегко вам живётся на свете, капитан!

– А как же ещё это воспринимать? – пришёл черёд Веттели удивляться.

– Вообще-то, подавляющее большинство считает, что «там, на фронте» мы совершали подвиги, – ответил лейтенант сухо.

– Возможно. Но мы-то с вами понимаем, что это не так, – Веттели стало грустно. Лучше было вовсе не начинать этот разговор. Будто окопной гарью потянуло. – Думаю, когда-нибудь кто-нибудь призовет нас к ответу за всё, что мы творили. Может, боги, может какие-нибудь тайные силы, не знаю...

Реакция Токслея была неожиданной – он расхохотался.

– Что? К ответу? Вас? Да не смешите меня, капитан! Сколько вам было, когда застрелился ваш отец? Восемнадцать исполнилось, нет? Если бы вы в ту пору не командовали взводом в Махаджанапади, а оставались на родине, вам бы назначили опекуна. Если бы лорд Анстетт оставил вам наследство, вы бы даже не имели права им распоряжаться. Ребёнком вы были бы, мальчиком вроде тех, что мы сейчас учим. И вы хотите взять на себя ответственность за все ужасы войны?

Да, с такой позиции он своё положение ещё не рассматривал – в голову не приходило. Опекун! Надо же, нелепица какая! Некоторое время Веттели молчал, стараясь переварить услышанное и представить свою жизнь «если бы». Но вместо этого воображение нарисовало забавную картину, как командир их роты, капитан Стаут, отдаёт лейтенанту Веттели приказ составить схему дислокации противника, но тут вдруг объявляется опекун в чёрном смокинге, в цилиндре и с тросточкой: «Э, нет, господа! Молодой лорд Анстетт не может идти в ночную разведку. Он ещё не достиг совершеннолетия!»

– ...Не забивайте голову ерундой, капитан, это не доведёт до добра! Мы с вами просто выполняли приказы. И если уж вы не были героем в этой войне, тогда я вообще не понимаю, что такое «герой»!

Очень легко убедить человека в том, в чём он хочет быть убеждённым. Веттели стоило большого труда не поддаться гладким речам и приятным мыслям. Ведь всё это – и возраст, и подчинённое положение – только отговорки, призванные усыпить собственную совесть.

Не может быть героем тот, кто воевал на чужой земле.

Наверное, именно поэтому война не хотела его отпускать, настигала даже здесь, в идиллически-мирном Гринторпе, как ни гнал её от себя, как ни старался забыть.

...Школа стала на уши перед Самайном. Пришло известие: на шестой день праздника Гринторп почтит своим визитом королева Матильда.

Веттели был единственным человеком не усматривающим в этом ничего сверхъестественного и вообще, сколь-нибудь интересного: Эрчестер её величество посещала два, а то и три раза в год – дежурное мероприятие. Но на Гринторп такая немыслимая честь обрушилась впервые, и на собрании профессор Инджерсолл высказался в таком духе, что все должны костями лечь, но в грязь лицом не ударить. И началась обычная подготовительная суэта, кото-

рую Веттели не любил ещё со своих школьных лет. Всё как всегда: по коридорам и залам снуют ошалелые уборщики, из кухни проистекают ароматы, способные свести с ума даже богов, школьный хор денно и ночью разучивает торжественные гимны, бледные учителя готовят речи (из общего числа которых хорошо, если половина будет произнесена, остальные не уложатся в регламент), старшекурсники репетируют спектакль по мотивам средневековой прозы, младшие путано декламируют стихи. Вдобавок, нельзя и о самом празднике забывать, ведь королева королевой, а боги богами. Потому в школьном дворе громоздятся поленницы для будущих костров, в деревенской пекарне заказываются рогатые хлеба, потому что своя кухня уже не справляется, во всех кладовых громоздятся корзины репы,⁴ яблок и орехов, к ним (к яблокам и орехам, а не к репе) подбираются бессовестные мальчишки и даже некоторые бессовестные девчонки, а начальство почему-то никак не может решить, откуда пригласить друида – из Эльчестера или Фексфорда, потому что свой, гринторпский, в школу не пойдёт, он на всю деревню один.

Как раз вторую часть из этого перечня, касающуюся непосредственно Самайна, Веттели очень даже любил, тоже с детства. Поэтому он бессовестно стащил из кладовой два яблока и горсть орехов – для себя и Эмили, выпросил у няни две крупные брюквы, вырезал два фонаря, опять же, для себя и Эмили, и до самого праздника они прекрасно проводили время вдвоём, гуляя по парку и болтая ни о чём, благо, к торжественным приготовлениям их не привлекали.

Праздник тоже прошёл славно, в Гринторпе его умели встречать ничуть не хуже, чем в Эрчестере. Перед парадным крыльцом ярко полыхали костры, повсюду таращились огненными глазами фонари, бегали перепачканные сажей дети, трещали на раскалённых углях орехи, предсказывая чью-то судьбу. Вечером во внутреннем дворе были танцы, и друид из Ронсмутта оказался, уж конечно, не таким занудой, каким был бы эльчестерский или фексфордский.

Друид был относительно молод и ослепительно красив, должно быть, фейри в его родне так и кишели. Проведя положенные обряды и умыв лицо от сажи, он с кружкой эля скромно пристроился на камне под священным дубом, и оттуда внимательно наблюдал за течением праздника. Когда Веттели случайно оказался рядом, друид неожиданно его окликнул и для верности придержал за рукав. Правильно сделал, иначе тот постарался бы сбежать, сделав вид, что не расслышал. Он только что закончил танцевать с профессором Брэннстоун и собирался танцевать с Эмили, ему было решительно не до друидов. Но вырываться было бы невежливо, пришлось вступить в разговор.

– Молодой человек, – в лоб, без всякой преамбулы спросил друид. – Вы никогда не задумывались о духовной стезе? Я ищу ученика, вы бы мне подошли.

Добрые боги, и этот туда же!

– Никак нет, сэр! – выпалил Веттели поспешно. – Простите, но у меня совсем иные планы на жизнь. Летом я собираюсь поступать в Норренский университет, учиться на инженера-гидравлика! – и с чего вдруг в голову взбрело? За двадцать с лишним лет своей жизни даже не вспомнил ни разу, что есть на свете такая профессия – инженер-гидравлик, и вдруг выдал как по писаному! Даже интересно, готовят ли их в Норрене?

Друид настаивать не стал, только кивнул невозмутимо, и притянул визитную карточку.

– Возьмите, пожалуйста. Если вдруг передумаете, сможете меня найти.

– Благодарю вас, сэр.

Друида звали Талоркан сын Фераха. Его визитку Веттели сначала хотел выкинуть, потом передумал и спрятал под правую фарфоровую собаку. Не то на всякий случай, не то просто из вежливости.

Ближе к полуночи его потянула за руку Эмили.

⁴ Традиция вырезать праздничные фонари из тыквы является более поздней, американской, в Старом Свете для этого изначально использовали репу или брюкву.

– Берти, идёте скорее в учительский кабинет, там есть большое зеркало, мы с вами будем гадать!.. Не бойтесь, никто ничего не скажет, там сейчас пусто, все во дворе у костров.

Гадание было простым: разрезаешь яблоко на девять кусков, восемь съедаешь, стоя спиной к зеркалу, девятый бросаешь через левое плечо, тогда в зеркале появляется изображение будущего супруга. Веттели увидел Эмили, Эмили увидела его. «Дурачки, – посмеялась над ними миссис Брэннстоун. – Скажите спасибо, к вам не забрёл мистер Хампти-Дампти, а то вы бы и его увидели в зеркале. Гадать надо было поодиночке. Ну, ничего, к следующему празднику я вас научу...»

Так кончился старый год и начался новый.

...– Капитан, вы уже привели в порядок ваш мундир? – Токслей окликнул Веттели на лестнице, под мышкой он сжимал объёмистый свёрток. – Я везу свой в прачечную, в город. Хотите, и ваш захвачу?

– Зачем? – равнодушно спросил Веттели. – Пусть валяется, как есть. Надеюсь, он мне нескоро пригодится.

– Как? Разве старик Инджерсолл вам не сказал? На церемонии встречи с её величеством мы с вами должны быть одеты по форме. Не сказал? Значит, забыл на нервной почве, с ним такое бывает. Тащите скорее мундир, представляю, в каком он у вас виде.

Расстроенный Веттели покорно поплёлся за мундиром, хранившимся скомканным в дальнем углу комода. Спорить он не стал: на этот счёт действительно существовало какое-то правило. Во всяком случае, эрчестерский инструктор по военной подготовке, отставной майор Кеолвульф, всегда являлся на официальные мероприятия одетым именно в форменный мундир, ещё старого образца – ярко-красный, с чёрно-белым галуном. Спасибо ещё, что опыт последних войн доказал преимущества хаки, иначе они вдвоём с Токслеем подобным ослепительным нарядом затмили бы, пожалуй всю остальную школу.

...Преимущество преимуществом, но блеснуть им всё-таки пришлось.

Вечером накануне церемонии Токслей вручил Веттели вешалку с вычищенным и отутюженным мундиром.

– Держите, капитан. Повесьте, что ли, куда-нибудь, чтобы до завтра не помялось. И про награды не забудьте, их быстро не прикрепил.

– А это ещё зачем? Мы же в отставке!

– Инджерсолл велел. В присутствии коронованных лиц положено быть при регалиях и наградах.

– Что, при всех? – испугался Веттели.

Токслей страдальчески вздохнул.

– О боги, капитан! Неужели за несколько месяцев вы разучились одеваться по форме?!

Вечер был испорчен.

Заглянула Эмили.

– Берти, профессор Брэннстоун приглашает нас с вами на чай... ого! Это что, все ваши?!

– Мои, – мрачно подтвердил Веттели. Он сидел на кровати с унылым видом, перед ним на спинке стула висел мундир, вокруг были разложены орденские знаки, медали, ленты и наградное оружие. – Вот, скопилось за пять лет. Их все надо разместить, представляете!

– Давайте, помогу, – предложила Эмили участливо.

– Да ведь нужно в определённом порядке, – жалобно возразил горемычный герой. Он как раз тем и был занят, что этот порядок вспоминал. – Что, скажите на милость, идёт раньше: «За выдающиеся заслуги», или «дубовый лист»?

– Сейчас схожу в библиотеку, возьму справочник, – придумала Эмили. – И предупреджу мисс Брэннстоун, чтобы нас не ждала.

...В торжественный зал Веттели пробирался бочком, бочком, стараясь не попадаться людям на глаза, потому что люди провожали его взглядами, а то ещё и присвистывали бестактно: «Ничего себе!». Оттого что взгляды и возгласы были восхищёнными, легче не становилось. Увешанный шеренгами орденов мундир казался чужеродным и диким на фоне вязаных свитеров и чёрных мантий. Было неловко до невозможности, немного утешало одно: там, в зале, будет лейтенант Токслей, он увешан лишь немногим меньше, может быть, внимание окружающих как-то рассредоточится. Тем временем явится королева, и о них, волей добрых богов, позабудут вовсе, можно будет затеряться в толпе, а ещё лучше – улизнуть и переодеться по-человечески.

Самое странное, что прежде, когда он все эти награды получал, то чувствовал себя польщённым, гордился, можно сказать, и даже не подозревал, что когда-нибудь они станут его тяготить. Должно быть, это потому, что всему своё место: военным регалиям – на войне, вязаному свитеру – в мирной жизни, сказал себе Веттели.

Но по пути встретил Токслея, и обнаружил, что тот и не думает стесняться своих наград, наоборот, гордо несёт их на груди, хотя окружающие таращатся на него ничуть не меньше. Рядом с ним и Веттели почувствовал себя увереннее.

А затеряться в толпе ему не удалось. У входа в зал профессор Инджерсолл окинул своих новых сотрудников, бряцающих металлом аки рыцари короля Артура, долгим взглядом, потом, ни слова не говоря, взял за рукав, провёл через строй и поставил в переднем ряду.

Дальше всё шло как всегда. Речи, включая те, что были сказаны самой королевой Матильдой, он пропустил мимо ушей, думая о своём. А именно: чего такого привлекательного находят люди в малышах, лепечущих глупые стишки? Читают дети, за редким исключением, плохо, забывают слова, порой дело вообще заканчивается слезами. Зачем это нужно? Зачем мучить чтецов и слушателей? Не проще ли было бы заменить их учениками постарше, способными изречь что-то вразумительное и полезное? Но почему-то раз за разом, год за годом, во всех школах Соединённого Королевства, а может, и всего мира, на сцену вытаскивают несчастных первокурсников, и с умилённым видом наблюдают их терзания. Где логика, в чём смысл?

Другое дело – школьный спектакль. Вот он Веттели действительно понравился, особенно конь рыцаря Ланселота, составленный из двух парней-страшекурсников, соломенной головы и специально сшитой накидки. Парни были рослыми и крепким, но всё-таки конь смешно приседал и растопыривал ноги всякий раз, когда сэр Ланселот громоздился на него верхом. Воистину, это было самое приятное впечатление из всего мероприятия! Хорошо ещё, что церемония закончилась сравнительно быстро – королевские визиты редко бывают продолжительными.

Уже позднее Эмили рассказала ему, что её величество отметила их с Токслеем в своей речи, назвав «молодыми героями», и призвала «подростающее поколение» брать с них пример. Стало досадно, зачем прослушал. Ведь не каждый день королева упоминает тебя лично в разговоре... Но чтобы кто-то брал их с Токслеем себе в пример? Да упасите добрые боги!

К сожалению, подростающее поколение наказу своей королевы вняло.

После уроков к нему в класс явились трое: Гальфрид Стивенсон, Джон-Бартоломью Нурфлок и Ивлин Бассингтон, злополучный шестой курс, – Веттели не без гордости отметил про себя, что уже помнит всех троих по именам. Поначалу-то он отчаянно путался в собственных учениках, детские лица казались до отвращения одинаковыми. С новобранцами в этом плане было легче, у них уже начинала прорезываться индивидуальность.

В руках каждый из вошедших держал тетрадь.

– О! Неужели, хотите сдать письменное задание досрочно? – удивился Веттели. Все трое особого усердия и интереса к естествознанию прежде не выказывали.

– Нет, сэр, мы не за тем... – возразил Нурфолк, заметно смутившись, из чего Веттели сделал далеко идущий, но безошибочный вывод, что парень не рассчитывает сдать его даже в срок.

– Мистер Веттели, – бойко, отрепетировано затараторил Стивенсон, одновременно толкая товарища кулаком в бок, чтобы помалкивал и не сбивал, – мы корреспонденты нашей любимой школьной газеты. Мы пришли к вам, чтобы взять интервью.

– Интервью? – Веттели почувствовал себя слегка обалдевшим. Во-первых, существование «нашей любимой школьной газеты» до сих пор проходило мимо его внимания, он даже не подозревал, что таковая имеется в природе. Во-вторых, он представления не имел, чем может быть ей полезен человек, проработавший в Гринторпе всего месяц. – О чём?!

На него посмотрели, как на глупого.

– Ну, о войне, разумеется, – снисходительно пояснил Стивенсон. Дескать, чем ещё ты нам можешь быть интересен? Уж конечно, не своим естествознанием!

– О войне. Так. Понятно. Господа, война длилась пять лет, всего не перескажешь. Вы бы не могли конкретизировать?

– А? Чего?

– Уточнить, о чём именно вам рассказать, – терпеливо разъяснил Веттели.

С полминуты они молча переглядываясь. Потом Бассингтон нашёлся – выпалил кроважально:

– Расскажите, как вы в первый раз убили врага, сэр!

Глаза у мальчишек разгорелись.

А Веттели почувствовал, как внутри, там, где полагается гнездиться душе, стало холодно, пусто и скучно. Он слишком хорошо, в деталях и нюансах ощущений, помнил, как убивал в первый раз. Тогда вообще многое случилось впервые.

... Стоял безумно жаркий день. Впрочем, других дней в Махаджананади почти не было, но тогда он этого ещё не знал, и надеялся на лучшее. Дорога вилась меж рисовых полей – не сам угадал, что рисовые, сержант подсказал – и цвет её был красным. Воздух над ней струился как вода. По краям время от времени попадалось что-то мёртвое, зловонное, над ним столбом роились мухи. В небе на расправленных крылах парили крупные птицы, ловили потоки жаркого воздуха. Вдали поднимались горы.

– Красиво, – тихо заметил Лайонел Биккерст, он любил писать акварели и тонко чувствовал прекрасное.

Сержант его услышал и плюнул через дырку на месте переднего зуба:

– Стервятники, сэр.

У сержанта была совершенно разбойничья рожа, рассечённая старым ирамом от виска к подбородку.

Местами дорогу пересекали русла ручьев, стекавших с рисовых полей. Вода в них почти пересохла, осталась красноватая жидкая грязь. Над ней тоже кружились насекомые. Солнце палило всё сильнее, жгло лицо, чей цвет к тому времени уже перестал быть свежим и приобрёл явственный зелёный оттенок – результат мучительного трёхнедельного плавания от порта Баргейт до берегов Махаджананади. Похоже, очень скоро ему, лицу, предстояло вновь поменять окраску, теперь уже на багровую.

Дорога обогнула плешистый холм, слева стала видна бамбуковая роща. Высоченные голые стволы, увенчанные метёлками листвы. От них невозможно было отвести взгляд. Тень. Прохлада. Отдых.

– Сворачиваем! – придерзивая коня, приказал капитан Хобб. Он был таким же новичком, как и пятеро его спутников-лейтенантов, следующих к месту службы, в расположение стрелковой роты 27 Королевского полка. Капитану недавно исполнилось двадцать два, он окончил военную школу, и вообразил себя отлично подготовленным полководцем. Лейтенантам едва минуло шестнадцать, они не оканчивали военной школы, прошли лишь ускоренный курс подготовки младших офицеров, и уже успели уяснить, что значат для этого мира гораздо меньше, чем им представлялось в Эрчестере. Они были моложе, но иллюзий у них осталось меньше, чем у бравого и самоуверенного капитана Хобба.

– Сэр! – вскричал сержант, назначенный им в провожатые. – Этого нельзя делать ни в коем случае! Это может быть опасно! До нашего лагеря всего три мили...

– Кто вам позволил спорить со старшим по званию, сержант? – возмущённо перебил капитан. – И о какой опасности речь? Разве территория не контролируется нашими войсками? По-вашему, мы на своей земле должны шарахаться от каждого дерева? Сворачиваем. Короткая передышка будет нам полезна.

– Сэр! – загорелое лицо сержанта налилось кровью. – Мы можем попасть в засаду. Я вас предупредил, сэр.

Капитан не удостоил его ответом.

– За мной, господа!

Пятеро всадников не сдвинулись с места. Магии их обучал профессор Энред Освиу Мерлин, прямой потомок ТОГО САМОГО (если, конечно, не ТОТ САМЫЙ, просто не желающий в этом признаваться). Все пятеро отчётливо чуяли беду.

Капитан Хобб сверкнул красивыми карими очами.

– Господа! Вы намерены начать службу с дисциплинарного взыскания за неподчинение вышестоящему офицеру? Я должен упрекнуть вас в трусости, господа?

Унылая вереница потянулась в роуц. Её прохлада больше не манила, зелень казалась пропитанной ядом. А потом что-то коротко и зло блеснуло впереди. Они ещё не знали, как сверкает на солнце вражеская сталь, ещё надеялись, вдруг это случайный блик, мирный солнечный зайчик.

Семеро вооружённых пиками всадников в просторных цветных одеждах выскочили из роуци им наперерез. Тёмные лица, яркие белки глаз, белые зубы под чёрными усами. Эти зубы сразу бросались в глаза. Забавно: перед смертью, которую в тот миг считал неминуемой, Веттели думал о чужих зубах.

Семеро против семерых – но никто не назвал бы силы равными. Это понимали юные лейтенанты, и что гораздо хуже, это понимал противник. Исход сражения был предрешён. Но глупо было умереть просто так, даже не попытавшись хоть что-то предпринять. И они палили, палили во врага, без всякой надежды на спасение. Из вредности, можно сказать.

Вот тогда он и убил в первый раз, выстрелом из фламера.

Зачем он вообще схватил фламер, опасное, неверное оружие, требующее специальной магической подготовки, когда под рукой был нормальный офицерский шестизарядный риттер, из которого его уже научили неплохо бить в цель? Да кто его знает! Может, одурел от страха, а может, так было угодно добрым богам. Нередко случается, что новичкам вообще не удаётся выстрелить из фламера, ещё чаще из его дула медленно выплывает маленький, красный огненный шарик, и, посвистывая, тает в воздухе, не причинив никому вреда. С Веттели произошло прямо противоположное. Огромная как дыня, ослепительно белая сфера с рёвом вырвалась из ствола, и со скоростью пули, чуть под углом, ударила в живот мятезника. Остро пахло горелым мясом. Человек выпустил поводья, нелепо взмахнул руками и стал валиться с коня. Лицо его продолжало хищно, белозубо улыбаться – он ещё не понял, что умер. А живота у него не осталось – только аккуратная обугленная дыра, через неё было видно насквозь. Веттели смотрел в эту дыру, и ничего больше не замечал, хотя всё вокруг гро-

хотало, орало и падало. Внутри, там, где полагается гнездиться душе, было холодно, пусто и скучно, даже страх пропал.

Потом он всё-таки заставил себя собраться, достал, наконец, риттер, принялся палить в белый свет, но это уже не могло им помочь, конец стремительно приближался.

Вдруг в ответ на их перестрелку раздались новые выстрелы, откуда-то со стороны.

Множество людей в форме цвета хаки с криком выбежало из-за холма. Грохоту стало ещё больше, а потом всё смолкло, как по команде.

Какой-то лейтенант подбежал к сержанту, хлопнул по плечу.

– Жив?! Вот это вы навались! Стаут как почувствовал, выслал нас навстречу... Ну, и где наше офицерское пополнение?

– Вон, – сержант кивнул на Веттели. – Всё что осталось, сэр.

Лейтенант охнул.

– О господи! Какого ракиаса вас понесло в эту роизу, Джек? Ты же знаешь...

Тут Веттели почувствовал, что молчать больше не должен, потому что сержант требовательно смотрит прямо ему в глаза.

– Сэр, – выговорил он мёртвыми губами, – это был приказ капитана Хобба. Сержант пытался его отговорить, и мы не хотели тоже... Но приказ...

Лицо лейтенанта стало печальным.

– Понятно. Вы-то хоть сами целы?

– Да, сэр.

– А кровь откуда?

– Кровь? – про это он ничего не знал.

Кровь оказалась из царапины у виска, как он её заполучил, Веттели даже не представлял. Лейтенант взял его, как маленького, за подбородок, развернул голову чуть вбок и вытер лицо платком.

– Пустяки, только кожу сорвало. Вы хорошо себя чувствуете? – должно быть, вид у него был тот ещё.

– Да, сэр, вполне хорошо. Спасибо.

Лейтенант посмотрел на него долгим удручённым взглядом, и вздохнул немного по-бабьи:

– Ох, горе вы моё!

– Сэр, вы только взгляните на это! – окликнул кто-то из солдат.

Человек десять уже столпилось вокруг продырявленного тела мятежника, другие их теснили, лезли посмотреть. Но перед лейтенантом расступились.

– Ого! – присвистнул тот. – Это чья же работа?

– Его, сэр! – сержант кивнул на Веттели.

– Моя, сэр! – отчаянно признался тот. В голове ещё не было ясности, он вдруг вообразил, что совершил что-то предосудительное, и расплата близка.

Но лейтенант вдруг рассмеялся и дружески хлопнул его по плечу, как недавно сержанта.

– Ну, ты молодец, парень! Когда налетим на голема, буду знать, кого выпускать с фла-мером! Ты, часом, не маг?

– Нет, сэр. В школе учили.

Лейтенант обернулся к своим людям, молвил назидательно, в продолжение какого-то прежнего спора:

– Слышали, парни? Вот вам наглядная польза от учения. А вы – «только бумагу марасть»! Темнота!

Лица солдат стали уважительными.

А Веттели, наконец, нашёл в себе силы приблизиться к телу врага, павшего от его руки. Вдруг напало нездоровое любопытство: сохранился у него позвоночник, или тоже выгорел? Заглянул в дыру, увидел толстую гусеницу на зелёном кустике травы. А позвоночника не было.

Он стоял и смотрел, пока сержант не увёл его прочь, обняв за плечи:

– Идёмте отсюда, сэр. Ну, что там разглядывать? Ничего интересного, хлебните-ка лучшие арака.

Нет, это оказалось совсем не лучше! Огненное пойло обожгло всё внутри, вызвало слёзы и мучительный кашель. Веттели испугался, что над ним станут смеяться, но лица солдат оставались уважительными и сочувственными. В самом деле, чего тут смешного? Каждый помнил себя в таком положении, каждый когда-то пил арак в первый раз.

Мимо провели троих пленных. Один вдруг рванулся в сторону, упал на колени перед прожжённым телом соплеменника и принялся что-то быстро-быстро бормотать. Сержант вдруг выхватил из рук ближайшего солдата винтовку, сунул Веттели в руки и заорал на ухо:

– Коли!

Не такой уж бесполезной оказалась короткая офицерская подготовка. Рефлексы сработали раньше разума, штык вонзился в мягкое. Густой струёй брызнула кровь. Пленный повалился навзничь, прижав руки к горлу. У него было совсем юное, смуглое и нежное лицо – ровесник Веттели, или даже чуть младше.

Так он убил во второй раз.

Убил, потом выронил винтовку и спросил обморочно:

– Зачем?

– Иначе было нельзя, – пояснил подоспевший лейтенант. – Этот ублюдок – родственник убитого: сын или брат. Он вас проклинал. Если бы вы не успели остановить его своей рукой прежде, чем он дочитает мантру, вам конец. Эти мерзавцы умеют проклинать. Вернёмся в лагерь – подыщем вам трофейный амулет, наверняка у кого-то из ребят есть запасной... Всё, уходим! Командуйте, сержант.

Команда прозвучала, солдаты привычно стали в строй. Только десять человеческих тел и одно лошадиное остались лежать в траве. Четверо из убитых значили для Веттели очень много. Он в первый раз терял друзей. Над ними уже кружили жирные мухи, садились на раны и лица, заползали в рот.

– Сэр! – он хотел, чтобы голос звучал ровно, но вышел жалобный стон. – Мы не могли бы их закопать? Пожалуйста...

– А смысл? – пожал плечами лейтенант. – Ночью отроют гули. По-хорошему бы надо сжечь, да кто будет следить за костром? Только провозимся, а целиком всё равно не прогорят, стервятники так и так расклюют. Идём, мальчик, идём. Забудь и не думай ни о чём. Это война.

Колонна двинулась вперёд. Веттели оглянулся в последний раз и увидел, как на изрешеченное пулями тело Лайонела Биккерста красиво спланировала большая голошея птица...

...Если бы условно-отставной капитан Веттели был умным человеком, то, уж конечно, не стал бы рассказывать все эти страсти, в деталях и нюансах ощущений, мальчишкам-шестикурсникам – позднее ругал он себя. С другой стороны, если бы ему самому лет десять назад кто-то рассказал похожую историю, его дальнейшая жизнь могла сложиться совсем иначе.

Интервью в «нашей любимой школьной газете», носившей странное название «Глаз Гринторпа», так и не появилось. И больше с подобными расспросами к Веттели никто не приставал. Но ощущение холода внутри долго не хотело проходить, пробудившиеся воспоминания всегда засыпают тяжело.

Ноябрь опустился на Гринторп мягким туманным облаком. Но это был совсем не тот душный, тягостный, перемешанный с жёлтым смогом туман, что так мучил Веттели в Баргейте. Он не угнетал, наоборот, успокаивал. Окутанная им действительность ещё больше походила на сказку, тихую и домашнюю, из тех, что детям рассказывают на ночь.

Погасли яркие краски ранней осени. Опавшая листва больше не шуршала под ногами, а стелилась мягким, заглушающим шаги ковром. В парке ещё сильнее пахло дубом, в деревенских садах – размокшим вишнёвым клеем. Грядки мистера Харриса опустели, только посередине торчали на длинных кочерыжках три крупных капустных кочана, оставленные специально, в дар какому-то из домашних духов, по слухам, покровительствующему огородникам. Дух воспользоваться подношением не спешил, зато до него добрались ученики. В один прекрасный день, а именно, в пятницу, мистер Харрис обнаружил, что с грядки на него, растопырившись, таращатся красными глазами три головоногих зубастых чудища, одно другого безобразнее. Возмущению бедного математика не было предела, он рвал, метал и обвинял молодое поколение в разнузданном вандализме и чуть ли не святотатстве, а их классных наставников – в пренебрежении служебными обязанностями. Разгорался скандал.

К счастью, рядом оказалась профессор Брэннстоун. Она очень натурально изобразила недоумение: «Как?! Мистер Харрис, разве вы не знаете? Это же древняя кельтская мистическая традиция, восходящая корнями к...»

Куда именно восходила корнями несуществующая кельтская традиция, для Веттели осталось загадкой, потому что ведьма взяла математика за локоток, и под шумок, не переставая что-то вдохновенно вещать, увела из учительской комнаты. Увязаться следом Веттели не решился, из опасения не сдержаться и смехом своим испортить всё дело. Когда же через пару уроков он пристал к Агате с расспросами, она только отмахнулась: «Милый мой, неужели вы думаете, будто я в состоянии воспроизвести весь тот бред, что несла ради поддержания мира и согласия в нашем коллективе? Ешьте-ка лучше пирог и не забивайте голову чепухой».

Пирог на этот раз был с тыквой. Восхитительный пирог. Пожалуй, стоило отнести кусочек «Гвиневре».

Идти в парк пришлось одному, Эмили оказалась занята по горло – прививала ученикам оспу. Вообще-то, она должна была делать это вместе с коллегой Саргассом. Но как назло, у кого-то их подопечных случился приступ аппендицита, доктор повёз страдальца в город, а на хрупкие плечи мисс Фессенден легла вся остальная школа.

– Не ждите меня, Берти, – велела она, выглянув из-за белой двери, украшенной красной пиявкой Диана Кехта.⁵ – Теперь темнеет рано, а я ещё часа три провожусь. Передайте привет Гвиневре.

– Может, мне лучше остаться и вам помочь? – мужественно предложил Веттели, хотя в такой угрожающей близости к медицинскому кабинету чувствовал себя очень неудобно. Вот ведь странность какая: на поле боя его не пугал вид кровавых ран, но белые халаты в сочетании с запахом карболки неизменно вгоняли в дрожь.

Эмили рассмеялась.

– Я, конечно, очень вас ценю, лорд Анстетт, но боюсь, что умение прививать оспу не входит в число ваших многочисленных достоинств. Идите скорее, а то Гвиневра обидится. Вы же её знаете.

... Фея сидела на сове, и как обычно, была слегка недовольна.

– Наконец то! Жду-жду! А ОН, между прочим, ждать не станет! Идём скорее, не то пропустим!

– Кого? Кто не станет ждать? – Веттели опять ничего не понимал.

⁵ Бог врачевания в кельтской мифологии, часто изображается с огромной пиявкой в руках.

– Секрет. Но тебе понравится, такое не каждый день увидишь... Пирог? Давай! Ты ведь не станешь возражать, если я стану есть прямо на тебе? Чтобы, понимаешь, не терять время...

Веттели не успел ответить, а фея уже сидела у него на плече и с наслаждением вгрызалась в ведьмино угощение.

– Ыди, – пробормотала она с набитым ртом. – Х пруду... Тише! – она проглотила кусок. – Что ты ломишься, как дикий вепрь сквозь заповедную чащу? Крадись! Ты умеешь красться?

Красться Веттели умел. Уж чем-чем, а этим полезным навыком он за семь лет овладел в совершенстве, даже придирчивая фея была вынуждена это признать. Неслышно ступая по бурой листве – ни одна веточка не хрустнула, ни один сучок не затрещал – он добрался до небольшого пруда, вырытого в дальнем углу парка кем-то из бывших владельцев Гринторпа, не то для своей возлюбленной из народа Гуаррагед Аннон, не то для тритонов, которых он разводил в качестве хобби – на этот счёт среди местных жителей не было единодушия. С тех пор минуло больше пятисот лет, и о рукотворном происхождении водоёма уже ничто не напоминало, он идеально вписался в природный ландшафт этой части парка. Немного топкий берег порос тростником. Вода, веками настаивающаяся на опавших листьях, казалась черной, как крепкий чай. По поверхности её светлыми пятнами плавала выплывшая ряска, со дна торчали живописные коряги, напоминающие маленьких чудовищ. «Есть смысл поискать здесь морёный дуб, – отметил про себя Веттели. – Хорошо бы найти и вырезать для Эмили чёрного зверька. Ей понравится».

– Кстати об Эмили! – «Гвиневра» опять подглядывала в чужие мысли. – Почему ты сегодня один? Где твоя женщина?

– Она прививает ученика оспу, – поспешил объяснить Веттели, пока фея не обиделась.

– Да ты что! С ума сойти! – маленькая наездница подпрыгнула на его плече. – Значит, она у тебя ведьма? Странно, как же я проглядела? И потом, мне казалось, что времена, когда незаконные ведьмы наводили ужасные моровые поветрия на города и веси, давно миновали! Чем же нашей милой Эмили так не угодили бедные малютки, что она вознамерилась их умирить? – в голосе феи звучал один лишь неподдельный интерес, и ни капли осуждения.

– Нет! – воспротестовал Веттели с жаром. – Ты неправильно поняла. Она не заражает их оспой, а наоборот, делает так, чтобы они никогда ей не заразились. Это называется «прививка».

– А-а, – протянула фея, как ему показалось, немного разочарованно. – Чего только не придумают эти люди! Век живи, век учись... В любом случае, жаль, что сегодня она не с нами. Могла бы пригодиться... конечно, если она девственница. Она девственница, ты не спрашивал?

От такого вопроса Веттели поперхнулся, поэтому ответить смог не сразу.

– Разумеется, нет! Кто же об этом спрашивает?

– Я спрашиваю, – равнодушно пожало плечами лесное создание. – Хочешь, и тебя спрошу.

– Не надо, не хочу, – поспешил отказаться Веттели. Он не желал вспоминать никакие из сторон войны, и уж тем более, обсуждать с кем-то столь личные моменты жизни.

Фея покровительственно хлопала его ладошкой по плечу, обещала великодушно.

– Ладно, не спрошу, не бойся. Я и так всё знаю.

Можно подумать, от этого ему стало легче!

Следовало бы радикально поменять тему, но любопытство взяло верх: зачем фее посреди осеннего леса (эту часть парка можно было полным основанием считать именно лесом) вдруг понадобилась девственница?

«Гвиневра» напустила на себя таинственный вид, загадочно прошипела прямо в ухо:

– Единорог! Скоро он придёт к водою! И только девственница сможет его изловить! Нам с тобой он не дастся, не надейся!

Час от часу не легче!

– Добрые боги, зачем же нам его ловить?! Что с ним потом делать-то?!

Фея нервно заёрзала.

– Хочешь сказать, тебе в хозяйстве не нужен единорог? Ты уверен?

– Убеждён! – Веттели постарался, чтобы голос звучал как можно твёрже. – У меня и стойла для него нет, и вообще...

– Ну, может, оно и к лучшему, – не стала спорить «Гвиневра». – Тогда будем просто любоваться. Тем более, что девственницы у нас под рукой всё равно нет... Садись во-он в ту ложбинку, под куст и замри, иначе как бы он не проткнул тебя рогом. По-осени они всегда в дурном настроении.

Ждать пришлось не дольше пяти минут, потом он появился. Не пришёл – именно появился, соткался из белого, искристого тумана, повисшего над чёрной гладью пруда.

...В Такхемете водились каркаданны – близкие родичи настоящих единорогов. В них не было ровным счётом ничего романтического: крупное, рыжевато-копытное животное с кривым рогом во лбу и неуживчивым нравом. Скотина и скотина, одна из многих, служащих человеку. Судя по останкам костей, найденных на раскопках в песках и выставленных в Ганизском музее, в древние времена эти звери были так огромны и сильны, что легко могли поднять на рог слона. Современные же выродились, измельчали до размеров буйвола и были одомашнены арабами примерно в эпоху халифа Аладдина. Их и использовать стали, как буйволов, в качестве тягловой силы. Вонючего, шелудивого, с отпиленным рогом каркаданны, волокущего плуг или тяжело гружёную повозку, можно было встретить в каждой деревушке от Магриба до Машрика не реже, чем верблюда или осла, и булькающий пересвист каркаданных манков⁶ неизменно вплетался в многоголосый шум любого арабского города. Поэтому если бы кто-то ещё час назад спросил бы Веттели, видел ли он когда-нибудь единорогов – тот бы с чистой совестью ответил: «Конечно, что же их не видел? Обычное дело!» Только теперь он понял, сколь велика разница между «обычным делом» и тем великолепным созданием, что предстало перед ним во всей своей ослепительно-белой, сияющей красе.

Единорог был мощным и изящным одновременно, его шерсть искрилась как иней, грива и хвост ниспадали почти до земли красивыми волнами, витой рог казался вырезанным из янтаря или сердолика, тревожно подрагивали аккуратные уши, нервно переступали не по лошадиному раздвоенные антрацитовые копыта, фиалковый глаз косил озорно и зло.

Веттели сидел, затаившись, вздохнуть не смел из страха спугнуть чуткое животное. А бояться надо было другого: застигнутые врасплох единороги бывают очень свирепы и опасны. И ещё у них очень острый нюх, особенно на порох. Неважно, сколько времени прошло – день, месяц, год – порох они учуют. Конечно, маленькая лесная фея из гринторпской глуши не могла предупредить об этом своего спутника. Откуда ей было знать, что такое порох?

...Единорог шёл, низко пригнув голову к земле. По-бычьему раздувались ноздри, из них шёл пар. Глаза налились алым. Рог был нацелен на врага.

Веттели умел оценивать опасность и находить возможные способы её избежать. Он ясно видел: теперь такой возможности нет. От заросшей орешником лошинки до ближайшего дуба было пять шагов – не добежишь.

– Гвиневра! Можешь меня уменьшить до своего роста?

– Ай! Не успею, не успею! Он уже идёт!

Он шёл, наступал неотвратно, как сама смерть. «Наверное, это и есть расплата за грехи войны, – спокойно, отстранённо думал Веттели, не отводя взгляда от янтарного рога. – Торжество справедливости, так и должно быть. Спасибо добрым богам, что напоследок подарили мне месяц чудесной жизни... Ах, как же символично – быть убитым единорогом в туманном осеннем лесу... Жаль только, если Эмили огорчится».

⁶ Каркадан по природе свиреп, но моментально успокаивается, услышав голос птицы витютня.

Справедливость не восторжествовала, Эмили огорчаться не пришлось.

Всего шаг отделял зачарованного зверя от его жертвы, Веттели уже чувствовал его горячее дыхание. Единорог чуть приподнял голову, прицеливаясь для удара... и вдруг отпрянул в ужасе, будто ужаленный змеей. С жалобным ржанием поднялся на дыбы, развернулся, едва не задев Веттели белым боком, и галопом помчался прочь, рассыпаясь на искры, растворяясь в тумане на скаку.

Веттели долго смотрел ему вслед. Облегчения не было – лишь недоумение. Он чувствовал себя едва ли не обманутым.

– Ты видел, видел?! – фея возбуждённо запрыгала у него на плече. – Убежал! Он тебя испугался! Испугался! Знаешь, почему? Потому что ты не человек! Ты – кто-то злой и опасный, я тогда сразу поняла!

Вот тут Веттели, наконец, почувствовал, как душу холодной липкой паутиной опутывает страх. Наверное, он заметно изменился в лице, потому что фея сочла нужным его утешить. Встала на цыпочки, дотянулась до лица, чмокнула в щёку около уха:

– Ну что ты, не расстраивайся, милый! Я же всё равно тебя люблю, какой уж есть.

С нового года работы у Веттели заметно прибавилось.

Профессор Инджерсолл, наглядно убедившись в героическом прошлом своего нового сотрудника, решил, что его бесценный воинский опыт даром пропадать не должен. Пора его уже, наконец, передавать подрастающему поколению, как было запланировано в начале. И в ноябрьском расписании Веттели не без грусти обнаружил, что к естествознанию прибавились часы военного дела на двух старших курсах.

Морочить себе голову он пока не стал: собирался начать со строевой – с неё и начал. Казалось бы, что может быть проще? Оказалось, имеется своя специфика. Солдаты никогда не задают вопроса «зачем это нужно?». Про себя, конечно, думают, но вслух сказать не осмеливаются, делают, что велено и помалкивают. А школьники – те задают. И им надо отвечать, по возможности умно и без грубостей. За прошедший месяц окружающие привыкли воспринимать лорда Анстетта как воспитанного и интеллектуального молодого человека с прекрасными манерами, не хотелось этот образ разрушать. Но как быть, если с привычной для капитана Веттели армейской реальностью он вязался плоховато?

Если кто-то из солдат всё же решился бы задать ему такой вопрос, он ответил бы прямо: строевая муштра нужна затем, чтобы у вас не было времени пить и шлаться по бабам, чтобы вы научились знать своё место, чтобы отвыкли думать, а привыкли исполнять приказы, и когда придёт пора подыхать, делали это так же чётко и слажено, как поворот кругом или перестроение в шеренги. Так он бы им сказал, и это в значительной мере было бы правдой. Но для учеников подобный ответ не годился, пришлось выразиться иначе: строевая подготовка повышает воинскую дисциплину и слаженность действий солдат, учит без лишних раздумий выполнять команды.

– А почему, когда выполняешь команды, не надо раздумывать, сэр? – наивно моргая, полюбопытствовал Ангус Фаунтлери – маленькое, хилое существо, столь же чуждое всего военного, как фея Гвиневра или авокадо мистера Харриса.

– Потому что пока вы будете раздумывать, мистер Фаунтлери, вас уже успеют убить.

Утверждение было спорным и напрямую зависело от личности того, кто команды отдаёт. Но на учеников оно произвело должное впечатление, они притихли, поэтому и Веттели углубляться в тему не стал, решив, что с годами сами всё поймут, а пока пусть себе маршируют строем. Без лишних раздумий.

...Нет, не нравилось ему вести военное дело, не нравилось до отвращения. Раздражала необходимость напяливать старую форму, раздражали ученики, не попадающие в ногу

и не умеющие запомнить порядок перестроений, раздражал даже собственный голос, привычно отдающий короткие строевые команды. Зарядили осенние дожди, маршировки пришлось отменить, перешли к теории, но веселее не стало. Поневоле приходилось думать о том, о чём хотелось забыть навсегда. Чуть не каждое слово, даже самое, на первый взгляд, нейтральное, тянуло за собой целую цепь тягостных воспоминаний. «Интендантом именуется должностное лицо, заведующее снабжением войск...»

Воняет кровью, воняет гарью, воняет оружейным порохом – будто где-то рядом разбилась корзина тухлых яиц, такой уж у пороха запах. Ночь выдалось прохладной, но утреннее солнце уже припекает, и через несколько часов к этому месту будет вообще невозможно подойти. Живых в лагере нет – только мёртвые. Узнать никого нельзя, ночью здесь столовались гули. Лица обглоданы до кости – песчаным гулям нравятся языки и глаза. Личных знаков ни на одном. Да что там знаки – даже мундиров нет. В лагере уже побывали местные, подчистую вымели всё, что показалось мало-мальски ценным, поэтому и трупы полуголые... Да, Такхемет – это вам не благородная Махаджананапади, здесь другие нравы...

Бумаг тоже нет, сгорели вместе с офицерским шатром. Кто здесь стоял, чей был лагерь, какого полка? По грязным подбитанникам не определишь.

– Капитан! Сюда! Смотрите, сэр, кого я нашёл!

Рыхлое бело тело лежит лицом в песок, кверху голым задом. На жирной ягодице непристойная татуировка.

– Видите, сэр! – по-детски радуется солдат: удалось угодить командиру. – Это интендант Додд! Это его задница! Я сам в бане видел, такую ни с чем не спутаешь!

Да, тут уж не поспоришь – задница примечательная, сразу бросается в глаза.

Ну, вот она и нашлась – пропавшая полурота лейтенанта Пулмана...

Это было отвратительно. Веттели казалось, будто его медленно, но верно затягивает обратно трясина, из которой он только что чудом выбрался. Днём он ещё мог с этим бороться, но война пробралась в сны. Он стал просыпаться по три раза за ночь, дрожащий и мокрый как мышь. Сюжеты своих кошмаров почти не запоминал – только общее ощущение смертельной опасности, страха, крови и грязи. После таких снов наутро болела голова, и вокруг глаз ложились синие круги.

Скоро Эмили заметила неладное.

– Берти, что у вас за вид? Вы здоровы? Если вы завтра же не сходите к Саргассу, я его сама к вам приведу, так и знайте. Я не шучу.

К Саргассу он, конечно не пошёл, а пошёл к профессору Брэннстоун – не знает ли она случайно средства от дурных снов.

Ведьма смерила его скептическим взглядом и высказалась в том духе, что средство от дурных снов она «случайно» знала ещё до того, как выучилась читать и писать, и незачем было мучиться целую неделю, надо было сразу прийти. Проколола ему палец швейной булавкой, кровью вывела на белом листе бумаги огамическую букву «гетал», пробормотала трижды «Великий мир вам», бросила бумажку в камин, плюнула туда же... И Веттели, наконец, вспомнил, как профессор Мерлин ещё на третьем курсе учил их избавляться от дурных снов, и они с большим увлечением плевались профессорский камин. Так что мог бы и не беспокоить коллегу, а проделать всё самостоятельно. Вышло бы даже лучше. Потому что магия мисс Брэннстоун оказалась несоразмерно сильной. Кошмары она изгнала начисто, как потом выяснилось, на долгие-долгие годы, но вызвала странное, немного неприятное ощущение нереальности происходящего. Оно продолжалось дня три, потом постепенно прошло. Но эти три дня Веттели провёл как в полусне, и на происходящие события не сразу реагировал адекватно. Что ж, не его в том вина.

3

Мёртвое тело лежало боком на лестничной площадке между первым и вторым этажом центрального крыла. В том, что оно именно мёртвое, у Веттели не возникло бы сомнений, даже если бы под головой несчастного не растекалась лужа крови, а из глазницы не торчало бы новомодное и дорогое вечное перо. Просто мёртвые лежат иначе, чем живые, уж в этом он научился разбираться за годы войны.

Словом, это был труп, несомненный, притом хорошо знакомый. Принадлежал он пятикласснику по имени Хиксвилл. Бульвер Элиот Хиксвилл. У пятого курса уроков было немного, некоторых учеников Веттели ещё путал, но этого запомнил сразу – очень уж он был отвратителен. Крупный – именно крупный, а не толстый, белокожий, розоволицый, с мягкими, если не сказать, мятыми чертами лица, влажным женственным ртом и невинным до глупости взглядом бесцветных глазок, он напоминал младенца-переростка. Но не внешность его вызывала у Веттели отвращение – нельзя судить человека за то, что не уродился красавцем, тут уж кому как повезёт. Тем более, что уродом его тоже нельзя было назвать, иногда люди такого типа бывают очень даже обаятельны. Но только не в нашем случае. Если бы в Гринторпе провели конкурс на самого зловредного ученика, Бульвер Хиксвилл, несомненно, занял бы все три места сразу, да ещё и гран-при взял. Похоже, в том, чтобы делать гадости окружающим он видел смысл своего существования.

Если в школе случалось что-то скверное и подлое – можно было не сомневаться, что Хиксвилл приложил к этому руку. Полный перечень его выходок занял бы не одну страницу печатного текста, поэтому вот только некоторые из них. Соседям по комнате он по ночам протыкал грелки, подлезая под одеяла длинной палкой с гвоздём. Однокурсникам пачкал тетради и вырывал страницы из книг. У младших отбирал деньги и вещи, его боялись пуще божьей кары. Ухитрялся пробираться в крыло к девочкам и писал мерзости на стене уборной. С обслугой был груб до неприличия и воровал из их комнат всё что плохо лежит, просто так, из спортивного интереса, потом просто выбрасывал. Учителям подкладывал кнопки на стул, подливал разной дряни в чернила, пачкал указки клеем. Таким способом он развлекался так до тех пор, пока не рискнул «пошутить» над профессором Брэннстоун. После этого учителя его нападкам подвергаться перестали. Почему? Об этом знали только Веттели и Эмили. Агата рассказала им как-то под большим секретом, потому что педагогический совет её действия вряд ли одобрил бы. Просто теперь в наказание за каждую новую «шутку» Хиксвилл должен был неделю мочиться в постель. («А что, занятие как раз в его стиле, – подумал тогда Веттели. – странно, что он не делал этого раньше») Жаль, что распространялось это только на самих учителей, а не на их авокадо. Веттели не знал покоя, когда на урок приходил пятый класс. Несчастное растение манило Хиксвилла как магнит, однажды он непременно бы до него добрался, если бы Веттели тоже не повёл себя непедagogично. После очередного предотвращенного покушения он показал парню заряженный холостыми риттер и мрачно сообщил, что в своё время уложил из него не одну сотню человек, не сделавших ему лично ничего дурного. Поэтому страшно подумать, что однажды случится с тем, кто будет в дурном уличён или хотя бы заподозрен. Хиксвилл ушёл из класса подавленный, и авокадо его нападкам больше не повергалось. Чего не скажешь о всей остальной школе.

Самое удивительное, что нести ответственность за содеянное Хиксвиллу приходилось довольно редко. Он умел каким-то образом подбивать других к соучастию в своих выходках. Его дружно ненавидели, но почему-то всякий раз шли у него на поводу и в результате оказывались виноватыми, а главный зачинщик оставался как бы ни при чём. Наверное, именно этим, а ещё убеждённо добрейшего профессора Инджерсолла в том, что ребёнок тем и отличается от взрослого, что каким бы он ни был испорченным, его ещё можно исправить, и

объясняется тот факт, что Хиксвилла терпели в Гринторпе вместо того, чтобы воздать ему по заслугам и с позором выгнать из школы.

Конечно, профессор Инджерсолл был замечательным человеком и отличным педагогом, но ему был не чужд некоторый идеализм. Веттели, не смотря на юный возраст, успел многое в жизни повидать, и был убеждён в другом: таких как Хиксвилл, не зависимо от числа прожитых ими лет, может исправить только виселица, потому что жаль тратить на них пулю.

Поэтому, когда он, поднимаясь утром из обеденного зала к себе в кабинет, увидел на полу окровавленное тело юного негодая, то не испытал ничего, кроме чувства высшей справедливости. Первой пришедшей в голову мыслью было: «Боги шельму метят», а второй «Надо сказать работникам, пусть уберут труп и зароят где-нибудь во дворе, непорядок, что он тут валяется». Подумал так, и пошёл себе дальше, спокойный и равнодушный: мало ли мёртвых он видел на своём веку?...

И замер, как громом поражённый, ступеней через пять. Сердце бешено бухнуло в рёбра, в коленях возникла незнакомая слабость. До сознания, изуродованного войной и слегка замутнённого ведьминой магией, наконец, дошло: это – не фронт, это мирный, чудесный Гринторп. Это школа, а в школах не должны валяться на полу тела убитых учеников. Это невозможно, неправильно и ужасно, это потрясение основ разумного бытия.

Он вернулся к телу, стал над ним в замешательстве, не зная, как поступить.

Немедленно оповестить начальство о происшествии? Это будет правильно, но тогда придётся оставить Хиксвилла без присмотра, и на него непременно налетит кто-нибудь из детей. Скорее всего – девочки с четвёртого курса, у них сегодня ботаника. Уж им-то такое зрелище совсем ни к чему! Утащить труп в кабинет и там запереть? Нет, нельзя ничего трогать до прихода полиции – вдруг совершено преступление? Остаётся одно: дожидаться учениц и послать их за старшими.

Веттели повезло. Девочки почему-то задерживались, зато снизу донеслись юношеские голоса. Четверо парней с выпускного! Отлично! Как раз то, что нам не хватало для счастья! Строевую они уже прошли, значит, способны более ли менее чётко выполнить приказ.

– Стоять, господа!

Парни застыли на месте, глядя снизу вверх с недоумением и испугом. Хоть и не в кровавых деталях, но им всё-таки видно было, что на площадке кто-то лежит. Они понимали – случилось что-то недоброе.

– Так, Глостер, останьтесь внизу, никого из учеников не пускайте на лестницу. На этаж пусть поднимаются через боковое крыло.

– Да, сэр! – Глостер на командный голос среагировал чётко, молодец.

– Орвелл, вы подниметесь в обход в мой кабинет – держите ключ! – не поймал, железо звякнуло о камень. – Сейчас на урок придут девочки, займете их до моего прихода. Пусть читают про мхи и лишайники. И боги их упаси приближаться к авокадо! Головой отвечаете!

– Есть, сэр. – Квентин Орвелл проворно скрылся за поворотом.

– Вы, Грэггсон, бегите к профессору Инджерсоллу, передайте, что я просил его немедленно прийти. Потом разыщите доктора Саргасса и мистера Коулмана, пусть тоже идут сюда как можно скорее.

Парень кивнул и умчался прочь.

– Фаунтлери, вы раздобудьте и принесите простыню.

– Да, сэр... Простыню?! Зачем? Он что... он мёр...

– Никаких вопросов, мистер Фаунтлери! Не раздумываем, исполняем приказ!

И всё-таки сваял капитан Веттели дурака! Где бы ему сообразить, что созерцать окровавленные трупы профессору Инджерсоллу доводилось не чаще, чем девочкам с четвёртого курса, и как-то подготовить бедного старика, вместо того, чтобы указать широким жестом: «Вы

только посмотрите, что у нас творится» и эффектно сдёрнуть простыню. Хорошо, что по лестнице уже поднимался смотритель Коулман. Вдвоём они смогли усадить директора у стены, а подоспевший доктор Саргасс кое-как привёл его в чувство.

К чести профессора Инджерсолла, со слабостью своей он справился очень быстро, и сразу овладел ситуацией. Лестницу перекрыли и установили дежурных. Из деревни был вызван констебль, в Эльчестер послали за коронером – Токслей привёз его на директорском венефикаре. Тело после осмотра унесли в подвал, телеграфировали родным погибшего, занялись подготовкой к похоронам...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.